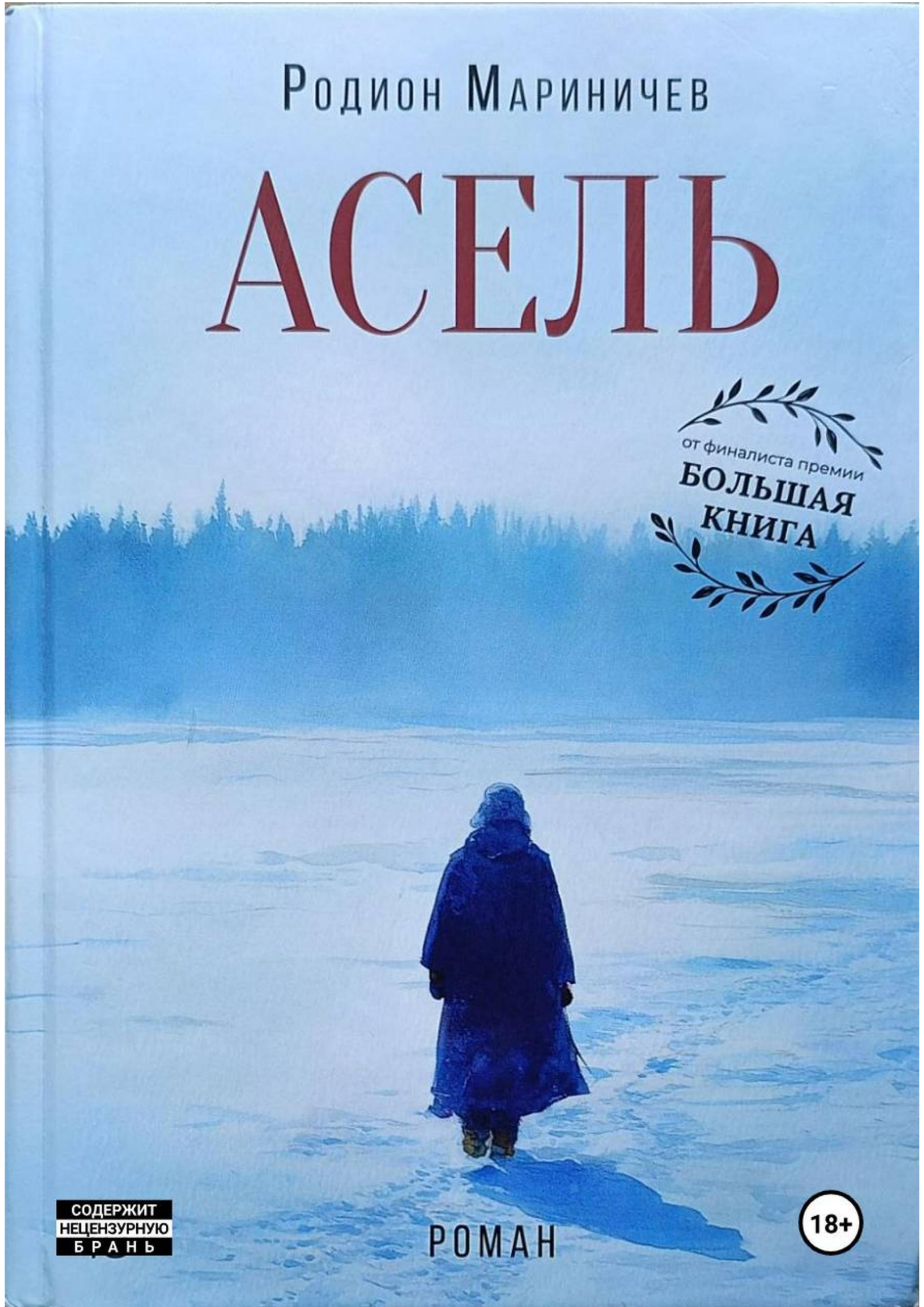
Родион Мариничев

АСЕЛЬ

от финалиста премии
БОЛЬШАЯ КНИГА



СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

РОМАН

Родион Мариничев

Асель

«Автор»

2026

Мариничев Р.

Асель / Р. Мариничев — «Автор», 2026

Роман вошёл в длинный список премии "Большая книга" 2026 г. В центре повествования — история женщины, чья жизнь, кажется, застыла в точке перепутья. Старый дом, где она когда-то жила с мужем и сыном, становится символом уходящего времени, прошлого, которое неумолимо настигает героиню в момент слома эпох. Через прошлое она пытается осмыслить те драматические события, которые происходят вокруг. Воспоминания о родителях, о детстве всплывают в памяти Асель, перекликаясь с настоящим, словно нити времени сплетаются в единый клубок. Прошлое, настоящее и будущее сливаются воедино, стирая границы между реальностью и вымыслом. Роман «Асель» — это не только хроника семейной драмы, но и глубокое размышление о памяти, ответственности и выборе.

© Мариничев Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

СОВХОЗ 5
ТЕРРАСА 12
АКИМАТ 20
ЧАЙНЫЙ ГРИБ 25
«СНИКЕРС» 30
ГЕНЯ 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Родион Мариничев
Асель

СОВХОЗ

Когда Жанна немного выпьет, она начинает капризничать. Так, немного, словно хочет понравиться.

— Лоор... Вот чего здесь опять такая грязюка? Ну вот на хер субботники проводить, если всё равно потом дерьмо под ногами?..

А иногда она ещё и матерится — слегка, но как истинная совхозница, подтверждающая свой почётный социальный статус, кричащий с плакатов. На плакат Жанна тоже попадала: висела на Доске почёта, но потом сняли. Вроде бы в таком же вот точно состоянии кому-то что-то сказанула лишнее. С ней бывает! И если мужикам это иногда нравится (ну, действительно есть любители), то Лора в такие моменты порой сдерживает себя, чтобы не огреть Жанну по затылку. Сама-то Лора если и пьёт, то не каждый выходной, а вообще, больше по праздникам, а до праздника ещё три дня.

— Я, к херам, сама эту улицу граблями скребла в мае, и вот опять вся в говне... — не унимается Жанна.

— Так это было в мае, а сейчас — ноябрь. На демонстрацию в среду, ты забыла?

— Да хер ли тут забудешь...

Не слишком твёрдо держась на ногах, Жанна спотыкается о какую-то корягу и летит носом в столб, который, как по задумке, нарисовался прямо на её тернистом пути.

— Твою дивизию!.. — стонет Жанна (это она у своего понахваталась).

Алая кровь бесшумно капает на пальто, на сапоги (какого хрена эта идиотка надела светло-бежевые сапоги, которые урвала где-то в Москве?! Будто не по деревне пройтись собралась, а в Большой театр!), на осеннюю грязь, которую ещё не покрыло снегом. Даже на столбе остаётся яркий кровавый след. Жанна при этом стоит почему-то на одной ноге, как подбитый журавль, и зажимает нос двумя пальцами, словно собралась высморкаться.

— Всё, стоп машина! — дёргает её Лора. — Пора назад.

— Да какой назад?! — хнычет Жанна. — Мы же даже до поля не дошли!

— Какое поле?! — орёт Лора. — Ты мне уже изнылась, что вся в говне! А там тебе вообще по колено будет!

— Там тропинка есть утоптанная. К теплицам и до самого леса. Я там почти каждый день хожу! — не унимается Жанна. — У тебя есть платок?

— Ну да, в лесу-то сейчас самое оно!

Потом Жанна долго сморкается в Лорин платок, который становится красный, как повязка раненого, и после этого уверенно идёт дальше, так что Лора, тоже перепачкавшись в грязи, едва за ней успевает.

— Ну ты куда попёрла-то, попёрла куда, спрашиваю?!

Из переулка они наконец выбираются в поле и замирают, остолбенев: прямо на бороздах метрах в двухстах светится окнами длинный автобус. Да ещё и мигает задними фарами. Несмотря на спускающиеся сумерки, хорошо читается его необычайно яркий синий цвет с отливом фиолетового. Передняя дверь открыта. Судя по окнам, внутри никого.

— Ло-ор, — канючит Жанна, — ты же... ну... тоже видишь?

— Ви-ижу, — вторит Лора и трёт глаза. — Трактор, что ли, какой новый?

— Да какой трактор? Какой трактор в ноябре? Картошку уже два месяца как убрали!

— Да знаю я! — машет рукой Лора. Она всегда машет рукой, когда пытается доказать, что уверена в своей правоте.

Борозды довольно хлипкие, хоть уже немного схвачены ночными заморозками. Жанна и Лора пробираются, как партизаны по минному полю, держась друг за друга. Жанна так вообще вылитая партизанка: наполовину распахнутое пальто, расквашенный нос, выбившаяся прядь на лбу. И вот она ведёт свою «боевую подругу» во вражеский штаб. Добравшись до автобуса, Жанна стучит по его ярко-синему борту, затем по затемнённому стеклу. На маршрутной табличке светится номер «семьсот девяносто два».

— Лоор... Чё за мандула такая? Ты понимаешь?

Она не решается войти внутрь через единственную открытую дверь рядом с водительской кабиной. В ней ожидаемо пусто. Жанна облокачивается об автобус, словно проверяет, не исчезнет ли он прямо сейчас. Но тот стоит не шелохнувшись. Лора лишь пожимает плечами и направляется вдоль борта, мимо закрытых стеклянных дверей, мимо «гармошки», соединяющей два салона, мимо ещё одной маршрутной таблички (обе почему-то пустые, с одним лишь номером), и останавливается у последнего колеса, за которым не видно никакого следа. Совсем.

— С неба, что ли, свалился? — бормочет Лора, чуть не по щиколотку проваливаясь в грязь. — А где это вообще такой автобус ходит? Такого и маршрута-то нет — семьсот девяносто два! — кричит она Жанне, которая всё так же стоит у открытой двери, не решаясь войти.

— Может, в Кожухово новый пустили?

— В Кожухово как ходил триста семьдесят второй, так и ходит! Я там позавчера была!

— Ну, значит, в Люберцы. Это небось междугородний!

— В Люберцы двадцать третий ходит, как и ходил! Что ты мне рассказываешь?!

— Да это, похоже, откуда-то из-за границы, — снова машет рукой Жанна и наконец входит в салон.

Внутри — сиденья, обтянутые синей тканью, жёлтые поручни и узкое табло, на котором электронными буквами написано: «Следующая остановка». На поручнях у дверей какие-то маленькие телевизоры — не телевизоры, жёлтые, с чёрным экраном. На экране написано белыми электронными буквами: «Приложите карту». Ещё пара телевизоров под потолком. На обоих горит надпись: «Мосгортранс».

— Лоор, — канючит Жанна. — Это чё за космический корабль?

Громко отряхивая ноги от грязи, Лора входит следом, трогает сиденье, словно дорогое платье, и стоит перед ним, так и не решаясь сесть.

— Смотри! — указывает она Жанне на сиденье. — Это же Кремль?

На синем рисунке сиденья действительно виднеются фигуры Спасской башни.

— Ну вроде, — бормочет Жанна. — А это телебашня, что ль?

И правда, помимо кремлёвских башен, здесь различима Останкинская.

— А водитель где? — спрашивает сама себя Лора. — Водитель сейчас придёт, у него и спросим, куда едет, откуда, чего.

— Из Америки небось, — хмурится совсем протрезвевшая Жанна. — Я у нас таких автобусов отродясь не видела. Даже в Москве!

— И сразу тебе Америка! Это, может, наши какую новую модель изобрели к Олимпиаде? С телевизорами...

— Ага, и сразу в картофельное поле загнали!

— Вон тут какие-то баллоны... — бормочет Лора, замечая на плоском пространстве над колесом два красных баллона, которые лежат, словно две жирные палки говяжьей колбасы.

— Да это ж огнетушители! — оживает Жанна. — У нас такие же в конторе висят. Рядом с кабинетом председателя.

— Ну уж не такие... Эти какие-то узенькие...

— Да какие узенькие? Точно такие же!

— Ты давно у кабинета председателя-то была?

— Не переживай! Я бываю там регулярно, и не за выговорами туда хожу!

— А я что, за выговорами?.. Жан, ты о...ла, что ль?..

Лорин тон становится жёстким, как схваченная морозом борозда. И поза у неё тоже меняется — застывает, словно в игре «море волнуется раз». И вот она сейчас стоит в проходе под телевизором и, кажется, готова к намечающейся схватке. Жанна, немного ретировавшись, тоже переходит в атаку.

— Ты это... чего такая борзая-то? Думаешь, если меня сняли с Доски почёта, а тебя не сняли, ты тут можешь меня матом крыть?

— Ты перепила, что ли? — начинает наступать Лора, но тут же получает по носу.

Удар не то чтобы ловкий — скорее у Жанны это выходит случайно. Но дело сделано: на гладкий серо-голубой пол падают алые капли крови. Лора смахивает очередную каплю и, схватив обидчицу за грудки, валит её на сиденье с той самой телебашней и куском Кремля.

— Дрянь! — хрипит Жанна, вцепившись Лоре в волосы.

Всё продолжается ещё минуты две, после чего Лора окончательно берёт верх и, сцепив Жаннины руки за спиной, наваливается на неё сверху.

— Отпусти, падла! Сейчас милицию вызову!

— Вызывай хоть КГБ, — шепчет Лора. — Пьянь...

Кровь по-прежнему капает на сиденье, на пол, на Лорины сильные руки, на Жаннино пальто, и без того окровавленное после «встречи» со столбом. Как только Лора осознаёт свою победу, она теряет интерес к битве. Отпустив соперницу, она пытается привести себя в порядок: достаёт из кармана ещё один платок и аккуратно промакивает нос, затем вынимает из другого кармана помаду и подводит губы. Всё это время Жанна ревёт, распластавшись на сиденье:

— Всю жизнь все меня били: мать била, старшая сестра била, первый муж бил, второй муж бил, третий...

— Пил, — подхватывает Лора. — Пить меньше будешь — меньше приключений на свой деревенский зад сыщешь.

— А у самой городской, что ль? — Жанна приподнимается на заляпанном кровью сиденье.

— Ты мне ещё поговори! Вставай и пошли отсюда! Скоро темнеть начнёт.

Жанна с трудом поднимается и садится на заляпанное кровью сиденье:

— Иди одна. Я никуда не пойду.

— Ты дура, что ли?

— Вот ты... вот ты опять мне хамишь! — Жанна снова ревёт.

— Ну точно, дура! Ты ночевать, что ли, здесь собралась?

— А может, и собралась! Здесь ничуть не хуже, чем в моей халупе! Какая разница, на этой сраной тахте спать с этим ублюдком или на вот таких шикарных сиденьях? Я таких не видела никогда... — И снова ревёт.

— Да не реви ты уже! Съездила мне по морде, получила в ответ. Чего реветь теперь?

Лора ещё раз подводит губы помадой, отчего они становятся ярко-красные, как у театральной куклы. В таком виде она часто ходит на работу и слывёт ушловатой бабой, впрочем, именно такой, какой и должен быть бригадир совхоза-миллионника, тем более подмосковного.

— Всю жизнь живу в дерьме, — продолжает Жанна. — До Москвы рукой подать, а всё равно не москвичка! Всё равно совхозница!

— Вон на стройку устраивайся лимитчицей и езжай в свою Москву. Чего там только не видела? Телебашню?

— Я в городе всю жизнь хотела жить, в городе! А живу в...

— Рабочем посёлке. С горячей водой и туалетом, между прочим. И халупа твоя никаким местом не хуже московской! С лифтом и мусоропроводом. А я в хрущобе живу и не вякаю.

Лора поджимает губы, раскатывая по ним ярко-красную помаду, и наконец убирает её в карман.

— Я с самого начала хотела лимитчицей, — не унимается Жанна. — Но мать меня отговорила: тяжести будешь таскать, не родишь никого... Иди в совхоз поближе к Москве, а там и в Москву попадёшь... — И снова всхлипывает, вытирая то ли слёзы, то ли пораненный нос.

Её историю Лора знает, как детскую колыбельную: деревенская девушка из неближнего Подмосковья перебирается в ближнее, надеясь, что станет «почти» москвичкой, но это «почти» по-прежнему отравляет всю её жизнь, сколько бы мужиков она ни сменила, ведь можно вывести девушку из деревни, но деревню, как известно, из девушки вывести невозможно. В отличие от Жанны и ей подобных Лора Москву терпеть не может. Особенно всю вот эту вот Ждань, которая начинается сразу за МКАДом, если ехать отсюда, из-за города. Въезжаешь — и вот тебе длинные, местами покоцанные девятиэтажки, которым и десяти лет ещё нет, щербатые бордюры тротуаров, как плотины, подпирающие лужи, в которых плавают окурки, заплёванный параллелепипед «Кулинарии» (в народе — «стекляшка»), и в центре всего этого — станция Ждановская. Тут тебе и электрички, и метро, и чёрт-те что: бабы в халатах, торгующие цветами, смородиной, картошкой, цыгане, карманники, попрошайки... Воняет табаком вперемешку с мочой, бензином и пробивающимся запахом жареных беляшей из «Кулинарии». Нырнуть в метро — и забыть.

Жанна, предположим, от Ждани тоже в восторге, но бывает там регулярно. В Москву она обычно ездит по магазинам. В поселковом универсаме в её же доме на первом этаже, в общем, сносно: колбаса — почти всегда, по крайней мере варёная. Копчёной, конечно, нет. Масло сливочное, масло подсолнечное, хлеб белый, хлеб ржаной, конфеты нескольких видов... Ну ладно, пару видов есть всегда. За шоколадными, конечно, лучше в Москву. Тут вот, на Ждани, есть один магазинчик — две остановки на троллейбусе от метро, а ещё чуть подальше — отличная кондитерская. Ну а если нужно что-то к празднику, как вот, например, сейчас, к Седьмому ноября, то это уж лучше в центр. Там и спиртное хорошее достать можно — не эту совхозную бормотуху и водку с пивом, которыми упиваются местные мужики... Ну а за овощами и мясом многие москвичи, наоборот, едут в совхоз — уж этого добра здесь хватает. В общем, если разобраться, жизнь между городом и деревней вполне сойдёт: смену до обеда оттарабанил — и хоть по магазинам езжай, хоть на озеро иди (а здесь их целых три), ну а если уж очень хочется, можно и на Красную площадь — от Ждановской по прямой...

Когда говорят «Красная площадь», Лора сразу чувствует усталость в ногах. Она хорошо помнит, как один раз (но так, что хватило на всю жизнь) их, сельских школьников, водили в Мавзолей. В школе это слово учили писать с прописной буквы, а все строчные выводить аккуратным рядом, так чтобы было ровненько-преровненько, «иначе не возьмут в пионеры». И вот в какой-то довольно жаркий день Лора оказалась в гигантской очереди под палящим солнцем, и вокруг руки, ноги, головы, а у кого-то ещё зачем-то цветы. В глаза лезли белые фартучки, от которых слепящие солнечные лучи отражались, как от снежных вершин, белые бантики, косички. Пот стекал по шее, затем по спине, но Лора всё стояла и стояла, и очередь почти не двигалась. Слово «мавзолей» плыло перед глазами, ровненькая строчка становилась похожей на волну, чернила расплывались, и кляксы покрывали тетрадь, как пот — белые фартучки... Подняв глаза наверх, Лора увидела над морем голов и рук «луковички» Василия Блаженного, но пока не поняла, что это такое и как оно здесь оказалось, ведь здесь был только Ленин и его Мавзолей...

— Давай, москвичка, вставай — пора назад, пока не стемнело. А то будем по полю скакать, как сороки! — Лора направляется к открытой двери.

Там, снаружи, действительно вовсю надвигаются сумерки.

— Надо в милицию.

— В какую ещё милицию, к чёртовой матери?! Нам с таким видом сейчас только в обезьянник...

— Давай хоть Марату скажем...

— И чего мы скажем? Нашли автобус в поле?

— Шпионский...

— Ай, — машет рукой Лора, — ночуй здесь, если собралась.

Через распахнутую дверь она выходит прямо на борозду.

— Э, Лоор... Погоди, ну погоди! — Жанна поднимается с сиденья и тоже вываливается из автобуса на борозду.

— Ты к Марату собралась, чтобы ещё рюмку хлопнуть? — Лора едва сдерживает себя, чтобы не отвесить Жанне подзатыльник.

— Какую рюмку?.. — осекается Жанна.

— Не надо мне делать овечьи глаза! Ты потом с Розкой сама говорить будешь!

— Так Розка, может, и сама с нами выпьет!

— Я ща тебе выпью, я ща тебе так выпью!..

Они всё же идут к Розке с Маратом. Их дом чуть в стороне от главной поселковой улицы с громким названием «Проспект Октября». Одноэтажный, но добротный, как и полагается дому подполковника милиции. Правда, ведомственный: Розка уже начала паковать вещи в ожидании переезда. Им вот-вот должны дать квартиру в райцентре, вот тут, за полем, в кирпичном доме, хоть и без лифта, зато с высокими потолками и всеми удобствами. И Марату вроде обещают повышение — переведут из посёлка в город, хоть и не в Москву, но всё-таки в город. Сто пятьдесят тысяч жителей.

Розка отпирает, завернувшись в шаль. Это у неё кровное: там, в Казахстане, где она родилась, обожают всякие шали, платки, ковры, так что с тех самых пор, как она появилась в совхозе, всегда заворачивалась в какую-нибудь просторную широкую ткань, а уж в холода и подавно.

— Ой! — вскрикивает она, глядя на два разбитых носа. — Вас где так? Кто вас так?

— Роза, мы к Марату... — закусывая ярко накрашенные губы, начинает Лора.

— Да я поняла, что вы к Марату. Марат! — Она исчезает за деревенской занавеской, и её голос становится глуше. — Марат, там девчонок избили!..

Хотя одной уже хорошо за тридцать, а другой в следующем году сорок, для Розы они всё ещё девчонки. Роза тоже разменяла пятый десяток: у самой дочке двадцать, замуж давно пора выдавать. И всё — «девчонки».

— Роз, да подожди ты!.. — кричит Лора, упёршись в занавеску. — Да никого не избили! Вернее, избили, но...

— Кого избили? — Из-за занавески появляется Марат. На нём вязаный свитер, тёплые штаны и шерстяные носки. Это при том, что в доме тепло, как в парнике с огурцами.

— Марат, тут, на поле... — начинает Жанна и осекается.

— Ну... — Марат вскидывает глаза, как на допросе. Из-за его спины снова выныривает Роза с какой-то мокрой тряпицей и подбегает к Жанне:

— Давай я тебе хоть нос промою немного... А у тебя? — Она смотрит на Лору. — Тебе тоже сейчас промою.

Лора молча машет рукой.

— Кто избил-то? — продолжает допрос Марат. — Хоть не муж?

— Марат, — вступает Лора. — Никто нас не бил. Мы сами немного подрались.

Роза застывает с тряпкой в руках.

— Господи! — восклицает она.

Марат хмыкает:

— И кто на кого будет жалобу писать?

— Налей нам лучше чаю. — Лора по-хозяйски снимает куртку и вешает на крючок.

— Чаю или чего погорячее? — хмыкает Марат.

— Я тебе сейчас устрою «погорячее». — Голос Розы делается железным.

Она хлещет Марата мокрой тряпкой по плечам и спине и снова загоняет за занавеску.

Чай в этом доме подают из пиал. Роза где-то достаёт настоящий травяной чай, который совсем не похож на ту требуху, что разложена по коробкам в местных универсамах. Он жёлто-зелёного цвета и чуть-чуть отдаёт горечью. К чаю — карамельки, которые при таком сочетании кажутся чем-то вроде драгоценных камней, а ещё печенье, которое Роза делает сама: конвертики с повидлом. Она называет их рогульками. Вместе с ней на стол накрывает дочь: почти копия Розы, с ещё более нежным, совсем детским голоском. Имя у неё — будто сладкий леденец: Асель. Марата называет «папа», хотя он ей не отец. Розка приехала в совхоз вместе с дочерью лет двенадцать-тринадцать назад. Девчонке тогда было лет семь или восемь. Чего Розку понесло так далеко от своих степей, никто толком и не понимал, но в совхозе она быстро стала своей, а потом и Марат подвернулся. Теперь не хватало только новой квартиры, до которой Розка почти догребла.

— Я тебе говорю: автобус, синий такой, как за границей! — Увлёкшись, Лора давится чаем и начинает громко кашлять.

Роза хлопает её по спине.

— Откуда ты знаешь, какой за границей? — хмыкает Марат. — Ты что, была там?

— Ну, у нас... кхы-кхы... я такой точно... кхы-кхы... отродясь не видела!

— Там телевизоры внутри — и маленькие, и большие! — с набитым ртом вступает Жанна.

— И что показывают? — мимоходом продолжает допрос Марат.

— Кхы-кхы... да там как в космическом корабле... кхы-кхы... Роза, постучи мне вот тут!

— А в космическом корабле ты была? — Марат хохочет в голос.

— Я тебе клянусь: он как будто с неба свалился! — Жанна тоже давится. Рогулькой.

— Да успокойтесь вы уже обе! — кричит Роза. — Чаю попейте нормально, а потом уже рассказывайте! Вот сидят, перебивают друг друга!

Молчаливая Асель убирает грязную посуду и сама садится с краю стола, подносит пиалу к губам. «Замуж ей надо, — думает Лора, — чтобы муж увёз куда-нибудь в тёплые края, чего ей тут делать среди снегов и окаменелых борозд?»

— О, снег пошёл! — Марат тянется к окну и отдёргивает штору.

Там медленно падают крупные хлопья, такие, что почти не видно всех этих деревенских заборов и крыш, всех этих антенн, торчащих то тут, то там. Зимой совхоз словно отдаляется от Москвы, погружаясь в сугробы и дым от печей, которых ещё немало во всей сельской округе, хотя во многие дома уже проведён и газ, и водопровод. Зимой кажется, что Москва далеко, с её Жданью, где снег грязный, как половая тряпка, а сугробы в окурках и бензиновых пятнах. А здесь бело, чисто, собачьи следы через заснеженное поле...

Марат встаёт из-за стола, подходит к окну и распахивает форточку. В комнату врывается холодный, почти зимний воздух.

— Закрой, простудишься же! — кричит Роза. — Только ведь болел недавно!

Марат стоит, подняв голову вверх, и, как мальчишка, смотрит на первый деревенский снег. Хитро улыбается, будто что-то задумал.

— Марат... — капризно тянет Жанна, хотя уже почти совсем трезва. — Это что, военные, да? Военные тут у нас что-то устроили на поле? Испытания какие-то? А мы и не знаем...

— Может, всё-таки чего-нибудь погорячее? — подмигивает Марат, оборачиваясь к гостьям.

— Я сейчас уберу со стола, и все пойдут по домам! — железным тоном произносит Роза.

Марат разводит руками. Дальше Лора помнила как-то обрывочно, хотя она в тот день не пила ни грамма. Уж в этом она поклянётся кому угодно, но прежде всего себе самой. У неё вообще с этим проблем никогда не было, ну... или почти никогда. Вроде бы они с Жанной уговорили Марата сесть в машину, ехали как-то долго — чуть ли не через станцию, потому что вдруг напрочь запутались. В общем, когда они наконец вырулили в поле на маратовском уазике, не было видно ни зги. Снег падал и падал, колыхаясь в свете фар. Марат закурил.

— Вот тут! — кричала Жанна. — Вон там, слева!

— Разве слева? — сомневалась Лора. — Справа он стоял. Как вкопанный. И следов не было никаких!

— Да я тебе говорю, слева он стоял! Вон, ближе к домам, мы же со стороны домов с тобой шли!

Но с той стороны был виден только падающий снег и, судя по освещённому краю неба, можно было понять, что там, дальше, за деревенскими крышами, за озёрами, за кольцевой дорогой, начинается Москва. Марат приспустил стекло и выкинул окурок наружу.

— Обратно через Крутицы прокатимся?

— Останови, я тут выйду! — потребовала Жанна.

— Ты совсем дура, что ль? — Лора схватила её за руку. — Ты же трезвая уже!

— Вот здесь он был, давайте остановимся, я покажу!

Марат остановил машину. Жанна открыла дверь, и в салон сразу ворвался снег. Она ступила на дорогу и ринулась было в поле, но тут же увязла в грязи.

— Вашу мать! Всё завалило, ничего не видать... — пробормотала она.

Тут Лора снова помнила плохо. Она как-то смогла затащить назад упирающуюся Жанну, потом они опять долго ехали, кружили то тут, то там, пока наконец не вырулили на знакомую улицу. А потом Марат вроде бы где-то раздобыл-таки «погорячее», и Жанна канючила и капризничала, как развязная девка. А потом была зима и зима.

ТЕРРАСА

Ствол сухой-пресухой и уже трухлявый. Схватишь его — и труха сыплется на снег. Этой груше без малого сорок лет, и нынешнюю зиму она, похоже, не переживёт. Ася прислоняет лопату к стволу и ощупывает ветки. Одна из них легко обламывается и остаётся в ладони. Значит, весной надо вырубать, но это уж пусть делает сын, ему, в конце концов, здесь жить. Ася снова берёт лопату и продолжает чистить дорожку, разбрасывая снег налево и направо. Зима снежная, какие в последние годы бывают редко. Сегодня двадцать третье февраля, с утра Ася поздравила сына с его профессиональным праздником. Она и сама всегда любила этот день — не за военщину, а за то, что в это время уже обычно ощущается весна. Но только не в нынешнем году. Никакой весны и на горизонте не видно. По-хорошему надо бы почистить крышу, а то проломится того и гляди. Сын даже обещал, но как-то вскользь. У него главная отговорка: в выходные. Наступают выходные, и появляются другие отговорки. С военным человеком спорить не станешь. Он вообще не слишком любит приезжать «в деревню». Хотя город вон, через дорогу, поднимается из-за заснеженной крыши. Пёс выходит из своей будки, зевает и мотает головой, тряся цепью.

— Каюр, ты чего? Есть захотел? Только ведь кормила — часа не прошло.

Голос у Аси как был, так и остался даже не девичьим, а девчоночьим: тонкий, немного напевный, как и сорок, и пятьдесят лет назад. В ответ старина Каюр заливается настоящим деревенским лаем, но не злым, а, скорее, озорным, и вскоре ему отвечают другие местные собаки, которых тут тьма, хоть формально это давно уже никакая не деревня, это — Москва. Сам Каюр отчасти похож на волка или на северных гончих: шерсть густая, светло-серая с чёрными вкраплениями. Морда острая, и пристальный пронзающий взгляд. Видимо, поэтому Володя так и назвал пса. Ася медленно продвигается к калитке, от которой сама же протоптала узкую и глубокую тропинку, и вдруг сознаёт, что ровно сорок лет назад в эти же дни делала то же самое. С Володей они поженились в середине января.

Он — машинист метро, она — работница совхоза во втором поколении. Ничем не примечательная советская семья. Он сам не хотел откладывать до лета и даже до весны. Отмечали в поселковом ресторане, затем на машинах ехали сюда — через заснеженные поля и дачи. Володя сначала хотел везти жену на своём мотоцикле, но отговорили. Молодожёнам выделили комнату за печкой — тогда здесь ещё не было газа. В остальных в ту ночь расположились свёкор со свекрухой и какие-то гости. Ну а наутро — снег, и на следующий день снег, и через день... Ася помогала разгребать дорожку то свёкру, то свекрухе, потом всё больше сама, иногда накинув пальто прямо на халат и наскоро сунув ноги в валенки. Володя уезжал на смену или засветло, или, наоборот, после обеда, но тогда уж возвращался совсем ночью, на развозке.

Москва была отсюда чуть дальше, чем от Косино, где находилось совхозное правление и где они раньше жили с матерью и отчимом. Но потом родителям дали квартиру — вот тут, за капустным полем и линией электропередачи. В этой квартире Ася живёт до сих пор. Это уже Люберцы, райцентр, и отчим ушёл сюда на повышение. Мать, конечно, хотела, чтобы они когда-нибудь оказались в Москве, но, в общем, и тут было неплохо. Тем более что вскоре Москва сама пришла прямо под окна, прихватив и Косино, и почти все совхозные поля вместе с линиями электропередачи, и несколько окрестных деревень вместе с Кожухово. Родительский дом остался на самой её границе, но ещё в Подмосковье, а вот Ася с Володей стали москвичами, хоть и с туалетом в огороде.

Ася наконец догребает до калитки и оборачивается, чтобы взглянуть на проделанную работу. Расчищенная дорожка тянется до самой террасы. До скамейки, опирающейся на два пня, Ася чистить не стала. Там большие снежные шапки, хотя в прежние времена на этой неказистой самодельной скамейке сидели и летом, и зимой. Вдоль дорожки — ровные высо-

кие сугробы. Где-то была фотография — старая, чёрно-белая: годовалый Коля, только-только научившийся ходить, бьёт лопатой по такому же высокому сугробу. Снимал не то Володя, не то свёкор. Почти все значимые события в жизни Аси происходили зимой: она родилась в начале зимы, в декабре, вышла замуж зимой, сына родила тоже зимой, правда, уже почти на излёте, в начале февраля, развелась зимой, тоже в феврале, на следующий год будет уже двадцать лет, и вот теперь всё тоже произошло зимой. Две недели назад Володю забрала «скорая». Ковид, тяжёлая форма. Хоть и привитый, и снова привитый... В общем, врачи ничего хорошего не обещают. Так что теперь Ася ходит сюда через день кормить Каюра, разбирать вещи и чистить снег. Больше некому. Володя много лет живёт один, ну а теперь дом, слава тебе господи, достанется Коле. Пусть что хочет с ним, то и делает: или живёт, или продаёт... А то мыкается на съёмной квартире, с женой тоже в разводе, сыновья растут без него...

Ася вытирает пот со лба и смотрит на дом: одноэтажный, с большой деревянной террасой, словно «обнимающей» угол и целый торец. Раньше терраска была маленькая, почти чулан. Володя со свёкром расширяли её уже при Асе: ломали старую, заливали фундамент, клали лаги, затем пол. Как он пах свежей древесиной! Лучше может пахнуть только свежескошенная трава. Вообще, запахи тут ещё не так давно были почти сплошь деревенские: с полей тянуло навозом, соседи одно время держали коз и свиней, по выходным все топили бани. Пахло то прелой листвой, то мокрой землёй, то спелой малиной, то нагретой древесиной. Коснёшься — и тут же отдёргиваешь руку... Пожалуй, выделялся только запах бензина, исходивший от автобуса, который разворачивался вот тут, на площадке перед магазином, почти сразу за калиткой. Сюда ходили «луноходы» с округлыми боками и фарами, напоминающими заплаканные человеческие глаза. Как и во всей стране, «луноходы» были жёлтыми, оранжевыми или красными. Просыпаясь и засыпая, Ася слышала этот звук, который ни с чем нельзя было спутать: блюм-блюм-блюм-блюм... Внутри было тепло, особенно на сиденье у окна, сразу за водительской кабиной. Ранними тёмными зимними утрами Ася забиралась по крутым ступенькам, успевала занимать любимое место и ехала в свои теплицы. Выходила на повороте, недалеко от совхозного правления, а потом ещё довольно долго шла мимо длинной девятиэтажки с универсамом на первом этаже, мимо Дома культуры, мимо того самого поселкового ресторана, в котором гуляли на свадьбу, мимо трикотажной фабрики и там, переулками, наконец выходила к теплицам, в которых всегда было лето. Можно было и не садиться на автобус, а идти от дома пешком напрямую. Тропинка вела через поля вдоль речки, но зимой тропинку часто заносило, да и ветер бывал такой, что едва не сбивал с ног. При этом воспоминании Асю пробирает волна холода. Вздрогнув, она решает, что пора запирать калитку и уходить, но всё же забегает в дом выпить чаю перед дорогой. Когда-то здесь была большая русская печь, и дрова хранили в отдельном сарае, а небольшую охапку держали на той самой маленькой терраске. Но потом, когда деревня стала Москвой, сюда провели газ, а затем и водопровод с канализацией. На кухне Ася включает электрочайник и вспоминает, что оставила на террасе фикус, который хотела забрать к себе. Володя давно его предлагал — цветов ему хватало и в саду. Горшок с фикусом лежит в пакете, готовый к небольшому зимнему путешествию. Зайдя за ним на террасу, Ася слышит, как истошно лает Каюр.

«Что ему опять-то? Побольше, что ли, положить? Так ведь замёрзнет всё...»

Раздаётся звонок в дверь. На пороге дама в полушубке и высоких сапогах.

— Здравствуйте! — улыбается она.

— Здравствуйте! — Ася застывает в прихожей с пакетом в руке.

Каюр продолжает лаять.

— Асэль Маратовна? — продолжает улыбаться дама.

— Я. Вам кого?..

— Я Соня.

— Соня?.. — Ася на мгновение уходит в себя и при этом смотрит на знакомый разрез глаз. — Ой, Соня... Я вас не узнала. Проходите, я как раз чай поставила...

— Очень кстати... — Соня как-то картинно вздрагивает и проходит в дом. — Я хоть и на машине, но что-то подмёрзла.

— А я, наоборот, вспотела, пока снег разгребала...

— Не сразу меня узнали?

— Да вроде вспомнила... Но я и сама-то с Володей уже двадцать лет как в разводе... Я к вам сюда на какой-то праздник приезжала. — Соня проходит на кухню, вешает полушубок на спинку стула и садится за стол.

— Уж не на Новый год ли? Помню, тогда тоже зима была...

Ася каким-то чудом находит в шкафу остатки печенья, которое сама принесла на днях, наливает чай в пиалы. Те самые, которые она покупала сама ещё, кажется, до рождения Коли. Как они уцелели за столько лет? Где бы она ни жила, дома у неё всегда были пиалы — пожалуй, единственное, что её связывало с малой родиной. Кроме раскосых глаз, разумеется.

— Я вас нашла по навигатору, — прихлёбывает чай Соня. — Тут всё так изменилось, что без навигатора я бы до утра тут колесила.

— Улица как была, так и осталось. Ну, разве что тротуар по одной стороне проложили... А так даже магазин сохранился, только он сейчас, по-моему, закрыт. Все ходят «в город», в супермаркет.

— Так вот, все поля же застроили! Тут же поля кругом были!

— Ну, это да. — Ася тоже прихлёбывает.

— Я сюда не ездила, наверное, с тех пор, для меня это другой конец света...

— А я тут почти всю жизнь прожила...

— Асэль Маратовна... — Соня ставит пиалу на стол. — Я от отца, из больницы. Врачи не дают никакой надежды...

— Ой, — вздыхает Ася, чувствуя, будто сверху надвигается что-то чёрное-пречёрное.

Каюр вдруг снова заливается лаем.

— Вы не знаете... — Соня складывает руки у подбородка. — Отец завещание писал?

— Понятия не имею, — бросает в ответ Асель и, кажется, сразу понимает.

В оконное стекло вдруг начинает биться муха и жужжать, жужжать, жужжать. Откуда она взялась здесь под конец зимы?.. Соня старше Коли на четыре года. Значит, ей сорок три или сорок два. По нынешним временам это ещё длинный хвост молодости, и, несмотря на пару морщин над переносицей, к ней наверняка по-прежнему обращаются «девушка». Это Володина внебрачная дочь, про которую он говорил «моя старшая». С её матерью, то есть предыдущей пассией своего мужа, Ася никогда знакома не была. И от самого Володи, и от свёкра со свекрухой слышала про неё что-то вроде «гулящая баба», «окрутила и сбежала», да ещё и, кажется, нашла себе какого-то богатого. Ну а эта Соня появлялась раза два или три. Да, как раз был Новый год, и в деревне только провели газ, так что печь, от которой к тому времени осталась дай бог треть, если и топили, то в основном по привычке, потому что нельзя было вот так просто взять и погасить очаг, который поддерживал жизнь десятилетиями. И тогда они, кажется, осознанно познакомились с Колей, но не проявили друг к другу почти никакого интереса и уж больше не проявляли никогда. «Старшая» всегда была будто на другой планете, на параллельной орбите, которая обходила стороной этот дом и эту деревню.

После возникшей паузы Соня идёт напролом:

— Я бы хотела претендовать, по крайней мере, на половину этого дома. Это, можно сказать, родовое гнездо, и моё тоже.

— В котором вы не были... сколько лет? — Ася берёт в руки пиалу и сжимает так, что чуть не обжигается.

— А какое это имеет значение?

— А такое, что мой сын как прямой наследник имеет больше прав на этот дом.

— Кто вам сказал? — усмехается Соня. — Если я выросла не в вашей семье, это не значит, что у меня нет прав.

— Каких прав?

Пиала выскальзывает у Аси из рук и чуть не опрокидывается. Горячие капли чая обжигают пальцы.

— Таких же, как у вашего сына. Отец фигурирует как мой отец в моём свидетельстве о рождении. Поэтому я такой же прямой наследник, как и Коля. Я уверена, что мы с ним придём к справедливому соглашению.

Она говорит так, будто цитирует какой-то учебник юриспруденции. Скорее всего, ей объяснили, как действовать и с чего начинать атаку. Ася чувствует себя заранее побеждённой.

— А вы своего отца когда последний раз видели?

— Два часа назад, в больнице.

— А в сознании?

— Какое это имеет значение? — Она берёт в руки пустую пиалу и начинает вертеть. — Мы с ним поддерживали связь. Сюда я не приезжала, а он у нас... бывал. Так что вы не думайте, что я совсем забыла про то, что у меня есть отец!

Ася встаёт из-за стола:

— В общем, я поняла. Надеюсь, что смерти моего мужа вы не дождетесь. А сейчас будьте добры на выход!

— Вашего бывшего мужа, прошу заметить!..

— Бывшего, бывшего. Всего хорошего!

Выпроводив нахалку в полушубке под яростный лай Каюра, Ася сыплет ему в миску ещё немного корма и, заперев калитку, семенит по деревенскому тротуару, который каждое утро исправно расчищают дворники, потому что Москва. В одной руке пакет с фикусом, в другой — берет: совсем взмокла, да и не холодно вроде. Она даже наклоняется, чтобы попробовать, лепится ли снег. Лепится, хоть и не так, как в настоящую оттепель, с тающими сосульками и кашей под ногами. Кроме неё, на улице никого. Кое-где заметны вывешенные триколоры. Больше о празднике ничто не напоминает. Здесь почти не осталось старых деревенских домов. Противоположная сторона улицы — одни коттеджи. Ася давно тут никого не знает. Бывшие соседи кто умер, кто съехал. Да она и сама съехала давно, но, как говорится, можно вывести девушку из деревни, но деревню из девушки вывести нельзя. Вон она и снится Асе — и зимой, и летом, и с автобусами-«луноходами», и с двадцатипятиэтажными башнями, торчащими из-за грушевых деревьев. Теперь автобусы не такие: ярко-синие, с телевизорами, электронными табло и дырками для зарядки телефонов. И остановки такие же: стеклянные, светящиеся. Москва... На выходе из деревни, не доходя до линии электропередачи, Ася спускается в подземный переход. Три года назад здесь, у околицы, открыли метро. Могла ли она когда-нибудь предположить, что там, где на её памяти трактор разгребал кучи навоза, будет светиться красная буква «М» над стеклянным павильоном? Из дверей тянет теплом. Внутри мокрые следы, которые смуглый уборщик старательно подтирает шваброй — не шваброй — чёрт его знает, как эта штука называется. Ася спускается вниз, сворачивает в узкий коридорчик, ведущий к лифту, затем, аккуратно прижимая к себе пакет с фикусом, дёргает дверь с надписью «Служебное помещение». Ставит пакет на пол, дёргает дверь сильнее, и та поддаётся. Подхватив пакет, Ася входит в тёмную комнату и двигается на ощупь. Наконец находит другую дверь и, толкнув её, попадает на узкую лестницу, ведущую вверх и заваленную каким-то хламом. Пробираясь через железные вёдра, накрытые тряпками, ломаные стулья, мятую железную бочку, шины от трактора и, кажется, обломки деревянных магазинных ящиков, Ася выбирается в заснеженное поле. Деревня остаётся у неё за спиной, впереди — поля, через которые

ведёт узкое загородное шоссе. Никакого метро, никаких новостроек. Только линия электропередачи гудит над головой — она, кажется, гудела здесь во все времена.

— Так-то лучше, — вздыхает Ася, чувствуя, что снова вспотела.

Она выбирается на шоссе, переходит его и, как положено, идёт по левой стороне. Идти тут всего ничего. Впереди, на развилке, уже виднеются дома Люберец. Начинает смеркаться. Не выпуская из рук пакета, Ася идёт по припорошенной обочине. Сзади её нагоняет «луноход» и притормаживает. Слышен характерный звук — блюм-блюмблюм-блюм...

— Эй, красавица! — Из кабины высовывается водитель. — Ты чего в одиночестве? Садись, подвезу до Москвы! — А мне не до Москвы! — кокетливо отвечает Ася.

— А до куда?

— До Парижа...

— Да хоть до Нью-Йорка! Садись, пока не замёрзла!

Блюм-блюм-блюм-блюм...

— Езжай уже, вон меня муж на повороте встречает!

— Давай до поворота!

Блюм-блюм-блюм-блюм...

— Езжай, езжай!

«Луноход» гудит и набирает скорость, поднимая за собой снежный вихрь. Сзади горят огоньки. Водитель знакомый. Откуда-то с юга, как и она, вот и чувствует, наверное, что-то родственное. Ася часто с ним ездит. Перед рейсом он курит у кабины либо бегает в магазин за батоном или кирпичом ржаного, а потом отщипывает от него по куску и ест.

Она наконец добирается до развилки и сворачивает вбок, на последнюю городскую улицу, идущую краем поля. Тротуара здесь нет и никогда не было. Летом мимо домов тянется едва приметная тропинка, зимой ходят только по обочине дороги. Когда Ася, придерживая фикус, наконец входит в подъезд, она чувствует, что начерпала снега и у неё совершенно мокрые ноги. Хорошо, что сейчас зима и можно просто поставить ноги на батарею. Ася отпирает квартиру, стягивает промокшие сапоги, вешает пальто, ставит на пол пакет с фикусом и проходит в комнату. Убрав с подоконника старенький ноутбук и взглянув в окно, видит, что там снова многоэтажки, деревья разрослись и закрыли бывшее поле, на котором теперь выгуливают собак. За дорогой и деревьями виднеются провода и опоры линии электропередачи. Уже сумерки.

Ася вдруг вспоминает, что сегодня обещала подругам сходить с ними на вечернюю службу в церковь. Сама она никогда не была особо верующей, как ни пытались её к этому приучить стареющие соседки и друзья. И ладно бы ещё сюда идти, через дорогу. Здесь же, под боком, превосходная деревянная церковь, которая была действующей всю жизнь, даже в советское время. Но Асины старухи живут в Косино и ходят в свою церковь на берегу озера. Значит, надо ехать на автобусе, вернее, на электробусе, а он идёт туда кругом битых двадцать минут. Ася решает, что, наверное, не пойдёт, потому что намахалась лопатой в мужнином саду и промочила ноги. Она достаёт из пакета фикус и подбирает для него место на окне, среди фиалок, папоротника и бегоний. Видно, Володе он порядком надоел: многие листья высохли, да и ветки какие-то жиденькие. Ну ничего! У Аси он наберёт соков. Она мочит тряпку и протирает листья. Где-то в прихожей звонит телефон. Ася долго роется в карманах пальто и наконец находит. Так и есть: Света.

— Света, привет!

— Ась! Ты сегодня придёшь на службу-то?

— Да сегодня, наверное, нет...

— А чего? — Судя по голосу, Света явно расстроена.

— А я у Володи в доме снег разгребала, все ноги промочила...

— Ой, — цокает Света. — Ну, может, переоденешься?.. Ась, мне тебе сказать кое-что нужно.

— Говори.

— Да не по телефону...

— Давай завтра?

— Ой, — снова цокает Света. — Ну, завтра у меня такой суетной день...

— Да у тебя каждый день суетной...

Она молчит и вздыхает в трубку.

— Ась, ну ты ж давно у нас не была уже. Я вот раз в неделю точно стараюсь ходить.

— Да мне сейчас не до того. Муж в больнице: в больницу сходи, собаку накорми...

— Ну так и исповедуйся батюшке. Легче станет.

Ася всю жизнь ругает себя за то, что толком не умеет говорить «нет». Ровно в семь вечера она подходит к храму, где её уже поджидают Света и Тоня. Обе в платках, как настоящие церковные бабули. Даже странно вспоминать, что когда-то они были вполне себе обычными поселковыми девицами, и вот теперь обеим, в отличие от Аси, даже шестидесяти нет, а у них уже все мысли о Царствии Божьем и Великом посте, который вот-вот должен наступить.

Они втроём входят в храм, где народу примерно как в метро. Прислонившись к колонне (здесь, по крайней мере, есть колонны), Ася проклинает себя за то, что всё же нашла звонящий телефон. Когда священник начинает говорить что-то о добре и зле, она мечтает только о том, чтобы куда-нибудь сесть. Скамейка тут есть, но у самого входа, где всегда дует. В который раз Ася думает о том, что надо было стать католичкой — у них в храмах сидят. Туда она бы хоть каждый день ходила.

— Думайте о ближних своих... — слышит Ася сквозь плотную толпу.

Впереди, над головами, виден алтарь — белый с позолотой. Выше — росписи, росписи, росписи... Ася ходит в церковь прежде всего, чтобы согреться зимой или спрятаться от жары летом, а ещё, конечно, чтобы посмотреть на убранство. Вот оно ей всегда больше нравилось в православных храмах, а не в католических. Соединить бы одно с другим...

Начинается служба, все хором что-то поют. Света и Тоня тоже раскрывают рты и усердно крестятся, будто привыкли это делать с пелёнок. В юности Ася и представить не могла, что когда-нибудь в церкви будут гореть свечи, золотиться алтарь и сюда будет набиваться по пол-посёлка. Церквей тут не одна, а целых три рядом. Раньше тут были задворки трикотажной фабрики: какие-то цеха, склады. Только старухи, проходя мимо, иногда крестились. На таких Ася смотрела как на ведьм из дремучего леса. Умрут скоро — и не увидишь больше ничего подобного. Мимо церкви когда-то ходили в поселковую аптеку — маленький деревянный домик на берегу озера. Внутри было тесно, а запах лекарств ещё резче, чем в больнице. Потом мимо церкви и мимо аптеки Ася ходила в свои теплицы. Колокольня стояла, обнесённая забором, над порталами зеленели проросшие молодые деревца. А в тот год, когда посёлок присоединили к Москве, Асю неожиданно крестили. Вот тут, в соседней деревянной церкви, поменьше и попроще этой. Вместе с Тоней и Светой. Это было массовое крещение взрослых, очень похожее на обычную службу. Только тогда Тоня и Света плохо вписывались в церковный интерьер. Тут же были их матери — Лора и Жанна. Обе в платках, которые повязывали на работе. И Асина мама, Роза, тоже в каком-то платке, и, кажется, даже отчим... В общем, Ася крестилась за компанию. Ей, разумеется, дали какое-то другое имя, которое она тут же забыла. А вот крестик свой исправно хранит до сих пор, но почти никогда его не носила: как-то поцарапалась им и с тех пор навечно положила в шкатулку.

Ася не выдерживает и, отпустив колонну, пробирается к скамейке. Слава тебе господи, там оказывается свободно место. Остаток службы она сидит, прислонившись затылком к стене, спрашивая себя, почему ей никогда особо не нравилось в церкви, и споря сама с собой.

«Но ведь нужно ходить. Говорят, помогает...»

«Тебе явно не помогает. Пост помогает, что ли?»

«Ну вон ведь Тоня со Светой говорят, что им так хорошо после церкви, что все болячки проходят...»

«Слушай, возьми-ка ты сейчас ноги в руки и дуй из этих застенков! На улице хоть и прохладно, зато подышать

можно. И никто не воет над ухом...»

Но она всё же мужественно досиживает до конца службы и даже время от времени крестится, поддавшись стадному инстинкту. И пытается разобрать, что они там такое говорят и поют, но, кроме «Господу помолимся» и «Мира всем», не понимает ни черта.

— Ты, я вижу, опять сдалась, — начинает Света, аккуратно, ступенька за ступенькой, спускаясь с церковного крыльца. — Ты попробуй читать Псалтырь перед сном.

— Да пробовала я. Много я там понимаю...

— А ты вчитайся! — налегает Света. — Я вон тоже сначала смотрела в книгу и видела фигу. А как вчиталась сразу по-другому на вещи начала смотреть.

— Лучше скажи, как Вовка, — спасает Асю Тоня. — Не пришёл в себя?

Ася качает головой:

— Дочь его сегодня ко мне приезжала. Говорит, прогнозы плохие...

— Дочь?

— Ну, от первого брака...

— Я и забыла, что у него ещё есть дочь! Вот помолись сегодня за его здоровье, — продолжает Света. — Николаю Чудотворцу лучше всего.

— Помолюсь, помолюсь, — примирительно говорит Ася.

— Молитва-то есть?

— Найду...

Они выходят за церковные ворота и направляются к Свете в её девятиэтажку — мимо большого тёмно-серого корпуса бывшей трикотажной фабрики, обнесённого бетонным забором, мимо памятника погибшим на войне, мимо ресторана, из которого когда-то Ася уехала в Володин деревенский дом, мимо старого Дома культуры и бывшего совхозного правления.

И вот Ася наконец вспоминает:

— Свет, ты чего мне рассказать-то хотела?

— Ой, — цокает Света, — сейчас поднимемся, сядем, чаю выпьем, расскажу.

— Мама-то дома?

— Дома...

Они входят втроём в тесный лифт, который когда-то, в стародавние подмосковные времена, казался настоящим чудом света. В совхозе поля, теплицы с огурцами, коровы со свиньями — и лифт, как в городе! Этот дом построили одним из первых, при въезде в посёлок со стороны железнодорожной станции. Тут, на краю поля, разрыли огромный котлован, поставили подъёмный кран... В общем, всё как по ту сторону кольцевой, где в те времена бывшие поля стремительно исчезали под катком и вздымающимися панельными этажами. Но самое главное, почти весь первый этаж отдали под универсам! В это действительно было трудно поверить. Вот жил ты среди деревенских крыш и послевоенных двухэтажек — и вдруг ездишь на лифте и ходишь в универсам. Москва добиралась сюда стремительно, поначалу ограниченная кольцевой, а затем шагнула и через кольцевую.

Лифт останавливается на девятом этаже, и Света, звеня ключами, открывает дверь:

— Проходите, девочки!

В квартире пахнет едой. Впрочем, у Светы почти всегда так пахнет. Она всё время что-то готовит, готовит, готовит... Только вот для кого? Их двое только — она и мама. Дочь появляется редко, она давно уж как отрезанный ломоть. У мамы онкология. А вот и мама...

— Тёть Жанна, как поживаете?

— На троечку, — морщится Жанна, открывая дверь туалете. — Но вот жива ещё...

На стол Света с Тоней накрывают обе: пока одна разливает чай, вторая достаёт вазу с конфетами, и каких тут только нет — и шоколад, и мармелад, и что-то вроде тянучек. Если бы Ася точно знала, что придёт, она испекла бы рогулек.

— Ась, ты голодная?

— Я? Да нет...

— Давай я тебе супа налью. Я сегодня суп грибной сварила...

— Ну давай, — соглашается Ася, чувствуя, что действительно проголодалась.

Жанна выходит на кухню:

— Что, Асенька, у Володи?

— Всё так же...

— Ну а мы теперь со Светкой обе с онкологией, так что посмотрим ещё, кто кого похоронит...

— Мама... — Света застывает с поварёшкой в руках. — Я бы сама сказала.

— Ну так а хер ли... — машет рукой Жанна и, открыв дверцу шкафа, копошится в каких-то таблетках. Раньше она почти всегда материлась, когда выпьет.

— Господи, Свет... — Ася подносит руки к лицу. — И давно?

— Третья стадия. Оперировать опасно...

— Я молюсь за неё каждый день, — вступает Тоня. — Каждый божий день...

— Я тоже буду, — шепчет Ася, тут же понимая, что, например, могла бы ради Светы поливать фикус и результат был бы примерно таким же.

— Николаю Чудотворцу молись, — суетится Тоня. — И за Вовку, и за Свету. Светуль, давай я суп на стол переставлю...

Они все четверо молчат. В гробовой тишине слышно, как Ася стучит ложкой по тарелке. Ест суп и не чувствует вкуса. Ощущение какой-то необъяснимой тревоги пронзает её с ног до головы. Хотя нет, почему? Вполне объяснимой... Третья стадия — это сколько осталось? Свете ведь ещё и шестидесяти нет... Тоня, кажется, молится, судя по выражению лица и немного отсутствующему взгляду. Жанна что-то жуёт старческими челюстями. Ася вдруг вспоминает, что когда-то эта больная раком старуха даже висела на совхозной Доске почёта. Правда, тогда она была молодая и немного жеманная. А потом её почему-то сняли...

— Володя-то так и живёт в Кожухово, как жил?

— Да, живёт... Или жил.

— Ась, ну ты чего! — картинно сердится Света.

— Да ничего...

— Ну, умрёт, так хоть дом тебе достанется, — парирует Жанна, и в её голосе слышатся нотки той самой жеманности.

— Вот уж не знаю, достанется или нет. Сегодня его дочь зашла ко мне прямо на террасу и заявила, что будет претендовать на дом.

АКИМАТ

Ася переходит дорогу и о казывается на аллее с какими-то округлыми южными деревьями. Как они называются, она, конечно, не знает. Светят фонари. Ася идёт в полном одиночестве и смотрит на город, где никогда не была. В отличие от Москвы, снега здесь почти нет. Хотя в феврале, говорят, бывают сильные морозы, ничуть не уступающие сибирским. Свет фонарей отражается в редких лужах. Сейчас чуть за полночь, но город пуст, как во время комендантского часа. Редкие машины проносятся по широкой проезжей части улицы, которой, кажется, нет ни конца ни края.

«Дороги здесь хорошие, — думает Ася, немного ёжась от холода. — Не хуже, чем в Москве».

Вообще, здесь какое-то повсеместное ощущение бесконечности. Ася идёт в полном одиночестве — мимо закрытых магазинов, мимо заколоченной террасы ресторана, где стёкла отчасти заменены на фанеру, мимо моргающего светофора, мимо огромного рекламного щита, пока наконец не оказывается на необъятной площади, на которой ветер дует, кажется, во все четыре стороны. Фонарей здесь много, и светят они ярко. И вон там, вдалеке, за острыми клиньями елей, Ася видит обгоревшее массивное здание, каких до сих пор видимо-невидимо на этой половине Евразии.

— Акимат! — произносит вслух Ася, вдруг понимая, что остановилась посреди проезжей части, и вздрагивает от сигнала проносящейся машины.

Когда-то в их совхозе был электрик по фамилии Акимов — щупленький мужичок самой заурядной внешности и при этом с каким-то экзотическим именем: не то Никодим, не то Никанор... А вот фамилия самая обычная. Никогда не подумала бы, что она хоть как-то отрикошетит через столько лет. Ася взбирается по бесчисленным лестницам, в которые то тут, то там вклинены клумбы с кустами. Идёшь, идёшь — и всё никак не можешь дойти. Сколько Ася себя помнит, ощущение огромного и бесформенного пространства пронизывало почти каждый большой город на этой половине Евразии. По таким лестницам она ходит всю жизнь. Зимой они бывают скользкими, но главное, на них тебя обязательно догонит ветер, в какую бы сторону ты ни шёл.

Обгоревший фасад завешан тёмно-зелёной строительной сеткой, окна первого этажа заставлены огромными листами фанеры. Ася останавливается, размышляя, не заглянуть ли ей внутрь. Тем более здесь наверняка где-то можно зайти. Только вот на что там смотреть? Акимат выгорел полностью, как рассказывали по телевизору. Ася задирает голову вверх и смотрит на чёрные от копоти этажи. Она хорошо помнит момент, когда увидела это на экране. Горело так, что тогда на мгновение ей даже стало жарко. И вот теперь здесь только копоть и ветер. Запах гари чувствуется до сих пор.

— Ты кого там потеряла-то?

Обернувшись, Ася видит даму с собачкой. Ну как даму — тётку лет на десять младше неё. А собака даже на собаку-то не похожа: такса не такса... какая-то кишка на тоненьких лапках. Тётка курит и крепко держит поводок. В лице ни одной азиатской черты.

— На достопримечательность вашу главную приехала посмотреть, — едва взглянув на даму с собачкой, Ася снова поднимает голову вверх. — Во всех путеводителях пишут...

— Откуда хоть приехала-то? — напирает дама. Её спутница начинает тявкать — хрипло, визгливо, хоть уши затыкай.

— Из Москвы... — Ася опять поворачивается к даме.

— О-хо-хо! Из Москвы... хоть не врала бы уж! Из Москвы... — Дама смеётся, так что у них с собачкой получается какой-то совершенно невообразимый дуэт. — Варя, а ну успокоилась! Из Москвы...

— А ты, что ли, коренная? — парирует Ася. Собачонка продолжает тявкать.

— И, между прочим, в третьем поколении... Варя, цыц, я сказала!

— Я родилась на целине, но после первого класса мама увезла меня в Подмосковье...

— Понятно. Считай, русская, значит. Я вон тоже русская. А родина у меня — здесь. Пойдём, город тебе покажу. Правда, он сейчас не в лучшем виде.

Собачонка недоверчиво нюхает воздух, вертясь вокруг своей хозяйки. Ася вдруг чувствует, что здесь холоднее, чем она думала. Хоть и бесснежная, но настоящая евразийская зима, какую она отдалённо помнит из своего раннего детства. Они идут куда-то в сторону тёмными аллеями парка, мимо каких-то решетчатых заборов и потухших фонарей, мимо бесчисленных ёлок, так что Асе на мгновение кажется, будто она попала в обычный подмосковный лес, мимо пустующих будок охранников или постовых и, перейдя шумную улицу, вдруг оказываются среди тихих пятиэтажек. По дороге Женя, как представилась новая ночная знакомая, успевает рассказать полжизни. Закончила медучилище, работала медсестрой. Один муж, потом второй, две дочери от разных отцов... Теперь вот кассиром в супермаркете.

— А ты что, по-казахски ни слова не знаешь?

— Да знаю... — смущается Ася. — Но лучше уж никак не говорить, чем говорить плохо...

— Да он вроде и несложный... — Женя закуривает. — У меня в школе пятёрка была. Предмет назывался «родной язык». На татарский похож. У меня оба мужа татары. Татар здесь много раньше было, почти как русских...

— А сейчас мало?

— Да и сейчас немало... Тут вообще был интернационал не хуже, чем в Ташкенте.

— Я в Ташкенте не была...

— А я в Москве не была.

Эта фраза немного сбивает Асю с толку. Ей так сложно представить, что кто-то не был в Москве! Не видел ни Ждани, ни МКАДа, ни леса на окраинах...

— Да я и здесь не была... Хотела на Новый год приехать, а тут вот что...

— Ой, — машет рукой Женя, и у неё начинает дрожать голос. — У меня сосед погиб. И из четвёртого подъезда ребята погибли... Мы же здесь в двух шагах, считай...

— Я по телевизору смотрела...

— Они утром четвёртого числа сначала акимат брали, но их оттуда вышвырнули... А пятого снова как попёрли, как попёрли... Вот оттуда, от Кольцевой. — Женя не то кашляет, не то всхлипывает. — Начали грабить магазины. Оружейные разграбили, начали грабить продуктовые... Нас грабили. Все витрины расколотили... Я в тот день как раз выходная была. Потом нас закрывали... Варя, а ну ко мне!

Женя тянет на себя собаку, которая, кажется, заприметила на горизонте какую-то живность — не то крысу, не то птицу.

— А кто это был? — спрашивает Ася. — Ведь они откуда-то все взялись?

— А кто их знает? — Женя достаёт платок и сморкается. — Кто говорил, что из сёл специально свозили, кто говорил, что, мол, даже из-за границы откуда-то... Болтали тут разное, а кому верить — пойди разберись. Только мы тут жили десятилетиями спокойно и друг другу не мешали. И даже уже после распада Союза... И вот тебе на...

— А акимат когда сожгли?

— Пятого и сожгли. — Женя вдруг переходит на шёпот. — Там же вокруг стояли курсанты, и без оружия нормального — одни щиты и дубинки. А у тех награбленное оружие... что тут можно сделать? Курсантов и милиционеров загнали в подвал, они там сутки, говорят, просидели. У меня у коллеги племянник тоже из силовиков. Сотрясение мозга. Хорошо хоть жив остался... Второй муж у меня раньше тоже в милиции работал, но сейчас в отставке. А так бы и его туда бросили...

Ася, которая сама вывела Женю на этот разговор, теперь молчит, не зная, что сказать. Кажется, она уже начинает немного жалеть, что оказалась здесь. Когда по телевизору, всё как-то дальше и проще, а когда вот прямо тут...

— Двадцатый был страшным, — бормочет Ася. — Двадцать первый тоже так себе, теперь вот двадцать второй — и что дальше?

— Ну, дальше-то должно быть всё хорошо... — Женя снова переходит на бодрый, непринуждённый тон. — Столько натерпелись — хватит уже. Будем весну встречать, да, Варя? Завтра уже двадцать четвёртое, тут осталось меньше недели...

Ася замечает скамейку в глубине двора и молча направляется туда, признаваясь себе в том, что подустала от случайной разговорчивой знакомой и хотела бы посидеть в тишине, прежде чем отправиться дальше. Одиночество нисколько не удручает её, особенно в последние годы. Видимо, это довольно естественная стадия человеческой жизни. Как говорится, «у природы нет плохой погоды». Но Женя устремляется вслед, таща на поводке свою мерзотную собачонку, которая вроде бы и тявкать перестала, но порыкивает, будто подчёркивая своё настороженное отношение.

— А я-то думала, что самый страшный был восемьдесят шестой, — слышит у себя за спиной Ася.

— Девяносто первый был страшнее. А уж девяносто третий и говорить нечего...

— Ну, у вас-то да...

Ася наконец садится на скамейку, чувствуя, что устала. Если бы сейчас было лето, она просидела бы здесь всю ночь. Тут наверняка тепло, и в фонарном свете вьются какие-нибудь большие насекомые, как это бывает на юге.

Женя, однако, не даёт дорисовать картину.

— В восемьдесят шестом всё было почти так же, можно сказать, один в один. — Она тоже садится, но ближе к другому концу скамейки, словно догадывается, что наскучила своей собеседнице. — И главное, в том же месте — вот тут, у нынешнего акимата, где раньше было ЦК.

— А я, дура, в девяносто третьем была у Белого дома. Теперь вот думаю: что я там забыла? А тогда казалось, по-другому нельзя. Тогда я впервые в жизни увидела танк — по-настоящему, а не в кино про войну...

— Почему ты не вернулась в Казахстан?

— А мне и в России было неплохо: мать в совхозе работала рядом с Москвой, потом я тоже стала там работать. Жильё было, поесть-попить было. Хочешь колбасы — зайди в универсам, хочешь одеться поприличнее — езжай в ЦУМ... А ты чего отсюда не уехала после девяносто первого, а то и после восемьдесят шестого?

— Да куда я поеду?.. У меня все родственники здесь. Нет, ну, поуезжали некоторые... Но меня туда как-то никогда не тянуло. Я здешняя!

Она смеётся как-то неестественно громко, будто плохая актриса. Приглядевшись, Ася понимает, что Женя не слишком-то похожа на русских из Подмосковья. Чем именно, так вот и не объяснишь, но даже в их совхозе выглядели как-то по-другому...

— А у тебя папу как звали? — не унимается Женя.

— Которого? — Ася немного опешивает от вопроса.

— А у тебя он не один? — Женя снова громко смеётся, так что собачонка начинает тявкать. — Варя, а ну, замолчи!

— Биологического я почти не помню... Ерболат его звали. Из Целинограда он...

— Столичный житель! — бледно хехекает Женя.

— Отчима Марат звали, так что я Маратовна...

— Тоже татарин, что ли?

— Да, татарин... Но я как-то даже никогда не задумывалась об этом: Марат и Марат.

— А маму как звали?

— Роза.

— О! Вот это точно наша, у меня в классе целых три Розы было!

— Я всегда была одна. И меня иногда называли не Асель, а Ассоль. Я даже и не исправляла. Ассоль — так Ассоль. Встанешь у знамени в пионерской — как будто так и надо...

Судя по дежурно искривившимся Жениным губам, она ни черта не поняла — ни про Ассоль, ни про красное знамя. Да и пёс с ней — практически в прямом смысле слова. Пора бы делать ноги. Порываясь встать со скамейки, Ася спрашивает:

— А до вокзала тут далеко?

— До которого? — недоверчиво вскидывает брови Женя.

— А у вас он тут не один?

— Ну, первый и второй. Первый далеко, второй... тоже далеко. А зачем тебе на вокзал?

— Домой пора. Засиделась я тут — холодно у вас как-то, я думала, теплее будет, у вас же юг...

— Хо-хо! — Женя снова громко смеётся. — Ты в Москву, что ли, собралась?

— В неё самую... — Ася поднимается со скамейки.

— Да подожди ты! Давай ещё немного поговорим.

Не каждый день москвичку ночью встретишь...

— Это точно. Так в какую сторону вокзал?

— Слушай, а ты не куришь? — Женя лезет в карман.

— Бросила давно.

— Ой, — машет рукой Женя, — я бросала-бросала, бросала-бросала, а потом мне надоело... — Она чиркает зажигалкой и затягивается. — Да присядь ты хоть ненадолго!

— Тебя в пионеры на Красной площади принимали?

— Нет, в совхозе. На Красной площади только блатных.

— Да знаю я... Но мне так нравилось быть пионеркой!

— Чего тебе там нравилось? — Ася дышит на руки. — Строем под гимн ходить?

— Ага, — глупо ухмыляется Женя. — А ещё ходить в походы в горы. Вы ходили?

— В горы точно не ходили. Разве что на Воробьёвы.

— Мм... — снова кривит губы Женя. Вряд ли она понимает, о каких горах идёт речь. — Мне тогда всё нравилось. Всё-всё!

— Мне нравились рогульки, которые пекла мама. У меня такие не получаются... — Не выдержав, Ася наконец направляется прочь со двора. Женя, подхватив поводок с со бачонкой, устремляется за ней.

— А мне нравились конфеты «Белочка». Помнишь конфеты «Белочка»?

— Помню, — бросает Ася, ускоряя шаг.

— А «Раковые шейки»! Какие тогда были «Раковые шейки»!

Ася уже практически бежит. Эти конфеты она терпеть не могла: приторные, липкие, после них всегда хотелось пить, да ещё и язык можно было порезать обломком карамели.

— А куклы! У тебя была кукла, которая закрывала глаза?! — кричит вслед догоняющая Женя.

Собачонка снова начинает истошно лаять.

На бегу Ася вспоминает свою куклу Розу, названную в честь мамы. Кукла закрывала глаза, когда её клали на спину. У неё были тугие жёлтые косички и синий бантик... От этих воспоминаний становится больно, словно кто-то уколол в грудь.

Ася бежит мимо увитых плющом пятиэтажек, мимо прикрытой фанерой витрины, мимо наполовину спиленного дерева с нитями новогодних гирлянд, перебегает совершенно пустую улицу на мигающий жёлтый. Собачий лай слышится где-то позади, но он всё дальше и всё тише. Ася забегает за угол и, словно воровка, стоит, боясь шелохнуться. «Эта псина может учу-

ять меня по запаху», — вдруг соображает она и, крадучись, уходит по тёмной боковой улочке. Идёт спокойным шагом, но никак не может отдышаться. Может, дело в высокогорном воздухе? Это из-за него здесь так тихо, будто Ася оглохла? Она идёт в полной тишине и одиночестве, не встретив даже птицы, даже завалящей бездомной кошки, прости господи. Перейдя несколько улиц (здесь они все пересекаются под прямым углом), она оказывается в очередном дворе с длинной пятиэтажкой. Где-то вдалеке снова раздаётся собачий лай, и вдруг, как в деревне, первой собаке отвечает вторая, третья, четвёртая... Вглядевшись в темноту, Ася понимает, что почти добралась до частного сектора, который вон там, через дорогу, и лай, очевидно, доносится оттуда. Её вдруг охватывает ощущение необъяснимого ужаса. Она дёргает дверь крайнего подъезда пятиэтажки, но та закрыта намертво. В темноте светится огонёк домофона. Она бежит к следующему подъезду, но там та же картина. Ася перебегает от подъезда к подъезду, пока одна из дверей, по счастью, оказывается незапертой. Очутившись внутри, Ася видит, что оказалась в своём подъезде и за окном лестничной клетки привычный двор. Несколько машин, неподвижно стоящих с лета, укрыты снегом вместе с багажником и крышей.

— Наконец-то! — вздыхает Ася, поднимаясь к себе в квартиру. — Хватит с меня сегодня похождений!

ЧАЙНЫЙ ГРИБ

— Если у тебя поезда движутся навстречу друг другу, то один никак не может обгонять другой...

— Почему не может? А если один едет быстрее другого?

Надя вздыхает и отодвигает учебник. У Игоря вид такой, будто его пытали несколько часов и вот наконец выпустили из застенков. И Надя вполне его понимает: у неё состояние похожее. Когда она училась в пятом классе, за дачи на скорость сближения были её страшным сном. Хуже, наверное, только про бассейн, в который по одной трубе вода втекает, а через другую вытекает.

— Звони отцу, я больше не могу решать за тебя каждую задачу...

— Почему каждую-то? Я вон все примеры сам решил.

— Решить-то решил. А вот правильно или нет, мы узнаем завтра. Потому что надо было сразу уроки делать, ещё вчера, а не тянуть до последнего: «Праздник, праздник!..»

Надя выходит из комнаты, давая возможность старшему сыну пообщаться с отцом наедине. У них там какие-то свои секреты не секреты, в которые даже и лезть не хочется. Главное, чтобы уроки были выучены. Младший уже отстрелялся и битый час играет в телефон. У него пока всё куда проще. По крайней мере, с программой первого класса Надя справляется безупречно.

— Булат, заканчивай в телефон пялиться! Давай зубы чистить и в кровать! И часы свои заряди! Чтобы завтра надел!

— Мам, ну дай я доиграю!..

— Я это слышу последние полчаса.

Надя чувствует, как голос у неё становится каким-то деревянным, точь-в-точь как у её матери, когда та была примерно в том же возрасте и в той же роли.

— Булат... — повторяет Надя.

Младший цокает языком и, нехотя отложив телефон, отправляется в ванную. Почему она согласилась назвать его Булат? Мужу хотелось чего-то восточного, потому что сам он наполовину казах, хотя от казаха в нём только едва заметный разрез глаз и кожа чуть смуглее, чем у среднестатистического русского. Вообще, это, конечно, всё свекровь, теперь уже бывшая. Тихоня тихоней, голосок тоненький, как у девочки, а сын слова ей поперёк не скажет. И вот, когда Надя была беременной вторым, свекровь возьми и ляпни, будто невзначай: «Булат — сказка, а не

имя! Я своего так хотела назвать...» Ну и потом пошло: Окуджава, какие-то герои якобы восточных сказок... В общем, муж упёрся одним местом — и всё тут. И вот уже девятый год Надя привыкает к этому имени и всё не может привыкнуть. Своего-то сына свекровь почему-то назвала нормально: Коля и Коля...

— Мам! — кричит из своей комнаты Игорь. — Папа тебе что-то хочет сказать...

Надя нехотя берёт телефон.

— Заказ возьмёшь? — Голос бывшего мужа на миг создаёт иллюзию того, что семья снова в полном составе.

— Что за заказ?

— У коллеги новостройка. Студия.

— Пфф... Что там рисовать-то? Кухню-спальню и санузел совмещённый?

— Не хочешь — не бери. Но, насколько я знаю, клиентами не разбрасываются.

— Смотря какие клиенты. На студии много не заработаешь.

— Он для своей дочери. Но не хочешь — скажу, чтобы искал другого дизайнера.

— Ладно... — произносит Надя после паузы. — Можешь дать ему мой телефон.

Разговор с бывшим мужем вызывает не то чтобы раздражение. Это примерно как третий день подряд есть на завтрак овсянку, сваренную ещё в воскресенье. Вроде бы в желудок что-то и проваливается, не тошнит, но и удовольствия никакого. О распавшемся браке Надя вспоминает как о чём-то совершенно бесцветном: выпил воды — и забыл. И сама она, и бывший муж Коля — из потомственных разведёнок. Её родители развелись, когда ей было четырнадцать, семья Коли продержалась до его совершеннолетия и даже дольше, так что, можно сказать, он вырос и с мамой, и с папой. И вот теперь оба они повторяют тот же путь. Впрочем, к этой теории Надя относится примерно так же, как, например, к закономерности «лысый — волосатый», гласящей о том, что в последние двести лет в России очень чётко чередуются правители с пышной шевелюрой и лысым (или почти лысым) черепом и что, мол, это неспроста. Она не слишком верит ни в народные приметы, ни в знаки зодиака, ни даже в магнитные бури, списывая всё, как правило, на банальную усталость, лень или отсутствие мозгов.

В детстве Надя больше всего ненавидела запах чайного гриба. Как и во многих позднесоветских кухнях, он жил в трёхлитровой банке в грязно-белом шкафчике над холодильником. Несколько раз в день мама извлекала это тошнотворное нечто и наливала в кружку кислую желтоватую жидкость, по запаху напоминающую сыворотку. В отличие от старшей сестры, Надя наотрез отказывалась не то что пить, даже к носу чашку подносить не позволяла.

«Он живой», — говорила мама, прихлёбывая, и Наде казалось, что сейчас из материного рта хлынет кровь, потому что она, как настоящая хищница, заживо проглотила свою добычу. Иногда, обычно после очередного похмелья, к банке подбирался отец и пил оттуда залпом.

Над кухонным столом висела единственная лампочка без абажура. Он когда-то был, но треснул и развалился, а новый мама так и не купила. Поэтому ужинали они втроём под этой самой лампочкой, и иногда Надя подолгу наблюдала, как дрожащий огонёк отражается в чашке с чаем. Окно кухни выходило в большой квадратный двор, окружённый сталинками — такими же, как их, и поменьше. Из-за соседней сталинки доносился шум Каширского шоссе. Когда-то здесь был подмосковный посёлок у большой дороги, потом его поглотила Москва, но дворы с сиренью и лавочками, кошачьи миски у подъездов и остатки низких деревянных изгородей вокруг палисадников выдавали совершенно не столичную среду. Дворовые старушки говорили «надо в субботу выбраться в город» или «дочь у меня ездит на работу в Москву». Надя же ходила в местную школу, точь-в-точь как та, что была нарисована в одной из её детских книжек: пятиэтажная, из тёмного кирпича, на котором резко выделялись белые крашеные рамы окон. По утрам и в пересменку уборщица мыла паркетные полы. Они были стоптаны почти до самого бетона ботинками нескольких поколений. Эта же уборщица давала звонки, нажимая на волшебную кнопку в закутке за раздевалкой, и гоняла с подоконников тех, кто любил использовать их вместо скамеек. А ещё у неё была секретная комнатка под лестницей, и вот там, за вёдрами, швабрами и грязными тряпками, стоял огромный портрет Ленина, который когда-то, видимо, сняли со стены в фойе. Ильич невозмутимо улыбался из своей неприступной крепости, будто для него ничего не закончилось, а он лишь обрёл наконец покой, укрывшись подальше от визгов и ежедневного топота сотен ног.

А вот Надю очень долго не покидало ощущение того, что она попала на окончание какого-то грандиозного спектакля. И теперь Ильич уже не вылезет из-за швабр и вёдер, на кухне не повесят абажур, не достроят котельную за школой, которую начали в Надино последнее дошкольное лето, да так и бросили.

«Раньше цыплята стоили рубль тридцать пять, — старушечий голос звучал с дворовой скамейки, — это самые маленькие. Те, что побольше, были по полтора. Ну а за рубль семьдесят я целую курицу брала — и на суп хватало, и пожарить... А сегодня зашла в продуктовый — баа! Сорок рублей курица. Сорок!»

Слово «раньше» Надя слышала каждый день: за школьной партой, исписанной чернилами разных оттенков; на автобусной остановке, где люди набивались в длинные жёлтые Ика-

русы с гармошкой, пахнущие не то бензином, не то жжёной резиной; в очереди в продуктовом, который находился на первом этаже выходящей на шоссе сталинки (там на одном из прилавков ещё оставались огромные ёмкости с соком в виде перевёрнутых конусов), наконец, дома на кухне под болтающейся лампочкой Ильича. Раньше было всё. Впереди, кажется, не было ничего, кроме ноябрьского тумана, дыма заводских труб на другом берегу Москвы-реки и чихающего Икаруса, медленно плетущегося по Каширке.

Игорь выглядывает из комнаты:

— Мам, есть чё поесть?

— Ты что, не ужинал?

— Не наелся...

— Куда есть на ночь глядя? Ты уроки доделал?

— Доделал, — вздыхает Игорь, закатывая глаза.

В холодильнике обнаруживается вчерашняя карбонара. В последнее время Надя готовила её часто: как-то раз освоила рецепт и теперь делала по привычке минут за двадцать. Она выгребает из сковороды остатки на тарелку и суёт её в микроволновку.

— А кроме макарон, больше нет ничего?

— Дарёному коню в зубы не смотрят!

— Пфф! — Игорь сам лезет в холодильник.

— Что ты опять шаришь в холодильнике на ночь глядя? — У тебя что, булимия?

— Да как всегда, ничего нормального нет поесть!..

Игорь находит остатки кабачковой икры и уплетает с лавашом. Невостребованная карбонара снова отправляется на сковородку. Глядя на старшего сына, Надя ещё раз понимает, что в свои неполные одиннадцать он всё больше и больше похож на отца: та же мимика, те же интонации. Но сын есть сын, с сыновьями не разводятся. В последнее время Надю всё дальше затаскивало в какое-то тягучее болото, из которого она никак не могла найти выход. Сначала ей казалось, что дело в неудавшемся браке. Нужно развестись — и тогда всё постепенно встанет на свои места. Но вот уже полтора года жизнь напоминала неприбранную квартиру, в которой всё труднее и труднее наводить порядок.

Загнав наконец детей спать, Надя накидывает пуховик и выходит на балкон. Она не курила несколько лет, недавно закурила снова и пока никак не может бросить. Попробовала электронные сигареты, но оказалось, это ещё хуже, чем безалкогольное пиво. Она чиркает зажигалкой и дымит, как раньше, ещё там, на Каширке, когда сестра ещё давала ей прикурить украдкой в соседнем дворе, так, чтобы не увидели постоянные любопытствующие. Балкон выходит на восток. Летними ясными утрами сюда невозможно выйти без солнечных очков: солнце поглощает всё вокруг, и от него никуда не деться. Но сейчас чёрный холодный вечер в конце зимы. Там, внизу, за гаражами и узкой полоской деревьев и кустов, переливается огнями МКАД. А дальше ещё один огромный спальный район. Этажи светятся, словно разбросанные по тёмному монитору пиксели. Примерно в той же стороне живут бывшие свекровь и свёкор. Живут порознь уже много лет. Коля — коренной замкадыш, да ещё и из деревни. Вырос в настоящем деревенском доме, с большой террасой, садом и собакой в конуре. Хоть это и считается Москвой, а деревня деревней.

Впрочем, и она всю жизнь, пожалуй, чувствует себя москвичкой отнюдь не высокого ранга, эдаким коллежским асессором, каждый день смотрящим на МКАД — эту условную границу, отделяющую московскость от немосковскости. Всю жизнь где-то над ухом или за затылком шумит большая дорога — сначала Каширка, теперь вот кольцевая. Ипотека на последних рубежах Москвы, там, где полвека назад шуршали листьями деревенские сады, это всё, до чего смогла подняться Надина распавшаяся семья. Платить за скромную двушку на четырнадцатом этаже остаётся ещё пять лет, шансов попасть в следующий ранг москвичей в обозримом будущем никаких.

«Соседи уезжают в Германию», — однажды сказала мама, придя с работы.

Это было где-то в начале девяностых, когда на уезжающих смотрели как на вытянувших счастливый билет. Соседи снизу, обычная семья: мама, папа и двое детей. Старший учился в параллельном классе. И вот в какое-то, кажется, воскресенье, где-то перед обедом, они выволокли во двор чемоданы, поставили их рядком возле подъезда под оханья и аханья вечно живых бабушек. Была ранняя осень. Надя до сих пор помнит: ещё не просохший после ночного дождя тротуар был усеян ярко-жёлтыми пятнами первых опавших листьев. Подъехала бледно-жёлтая «Волга» с шашечками такси — из того самого «раньше», которое закончилось недавно. Один из чемоданов не поместился в багажник, как ни пытался его захлопнуть сначала глава семейства, а затем и водитель в типичной шофёрской кепке. Пришлось втащить в салон. И вот так, со скарбом, ограниченным пространством такси, соседи отчаливали в другую жизнь. Надя и сейчас помнит, как блеснул в лучах солнца серебристый бампер «Волги».

Она тушит сигарету и вздрагивает. Несмотря на тёплый пуховик, вдруг становится так зябко, будто балкон выходит не на МКАД, а на какой-нибудь Финский залив. Надя захлопывает балконную дверь, ныряет под горячий душ, а затем в постель. Перед глазами снова проезжает та самая бледно-жёлтая «Волга». «Надо уезжать, — решает Надя, ворочаясь, — только как забрать детей? Нужно разрешение от Коли...»

У неё было несколько знакомых, которые уехали ещё в пандемию или даже раньше и продолжали работать удалённо. Детей устроили в местные школы или обучали онлайн. Квартиры тут сдавали, там снимали. Не то чтобы всё было так просто, но люди как-то устраивались, убегали от затекающего за шиворот холода и дымящих труб на горизонте.

«Эмиграция в Канаду. Телефон — миллион». Она вдруг вспоминает эту фразу из звуковой рекламы, которую однажды услышала в питерском метро, вроде бы во время поездки с классом. Долго пыталась сообразить, что означает «телефон — миллион». Тогда это воспринималось примерно так же, как реклама колготок. Эмигрировали, кажется, все, кто мог. Почему бы не помочь тем, кому это нужно?

«Боже мой, ну зачем это тебе? — Надя обхватывает подушку и понимает, что не заснёт ещё долго. — Почему сейчас? Что случилось-то? Голод? Война?»

«Да ничего особенного не случилось. Просто не могу больше...»

«Ну чего ты не можешь? Чего ты не можешь? Тебе что, жить негде?!»

«Не хочу так больше жить!»

«Ну сходи к психологу, в конце концов...»

«Уже ходила. Хочу уехать. Хочу почувствовать, как это. Хочу оказаться на месте тех, в „Волге“ с шашечками».

«Ну, допустим, и куда ты поедешь?»

«Да хоть в ту же Канаду».

«Ага, щас. И как ты всё это себе представляешь?»

Кроме сцены с отъездом и таким же рядом чемоданов на тротуаре, Надя никак себе это не представляет. Просто понимает, что надо это сделать: взять билеты, собрать необходимый скарб и выкатиться в другое измерение. Так складывается: одна литосферная плита наталкивается на другую, водяной поток приближается к верхней точке водопада.

Она садится, опираясь на подушку, и вспоминает все страны, в которых была. У кого-то из знакомых висела карта мира с нанесённым на все континенты защитным слоем: съездил в какую-нибудь новую страну — сотри этот слой, открой эту страну. У Нади таких едва ли набралось бы с десяток: если не считать Украину с Белоруссией и Грузией (ну какая это заграница?), то останутся Германия, Франция, Чехия, Словакия, Тунис и Финляндия... А, ну да, конечно, Турция! Это была первая Надина заграница: горящая путёвка в дешёвый трёхзвёздочный отель в середине мая на «всё включено». Море ещё слишком холодное, чтобы купаться, в баре из бесплатных напитков только джин-тоник и кола, за воротами отеля, на бульваре с пальмами,

рынок с кожаными сумками, магнитами, фруктами и сладостями, где тебя хватают за руку и по-русски предлагают купить самую вкусную пахлаву. Хочется убежать назад за забор, как от сорвавшихся с цепи собак, чтобы тебя не трогали и не орали над ухом. Но всё равно кругом всё не такое, как дома, начиная с формы тротуарной плитки и заканчивая упаковкой от мороженого. Та самая заграница, которая представлялась на кухне под лампочкой без абажура, «заморские страны» из иллюстрации детской книжки про царя Салтана.

Может быть, действительно уехать в Турцию? Одна из Надиных знакомых неплохо устроилась в Стамбуле. Правда, она там с мужем и ребёнок у неё один... Надя снова ложится на подушку и пытается уснуть. Но при этом мысленно путешествует в Берлин, где ей в своё время жутко не понравилось, затем в Париж, где она, кажется, жила бы до глубокой старости, вот только французского совсем не знает, а с её средненьким английским разве что куда-нибудь в Финляндию... Главное — вывезти детей. Надю будто кто-то толкает в затылок. Она совершенно чётко понимает: Коля никогда, ни при каких обстоятельствах не даст ей увезти детей из страны. Его дубоватый патриотизм в последнее время раздражал всё больше, и это тоже стало одной из причин развода. Должность, конечно, обязывает: было бы странно и даже вредно, если бы военный не был патриотом. «Ватник» — это как раз про него. В отдельных случаях он готов был оправдать даже Сталина. В последнее время Надя вдруг начала чувствовать, будто скоро снова начнётся тот грандиозный спектакль, который она пропустила в детстве, родившись слишком поздно. Ещё немного — и Ильич выползет из грязной конуры под лестницей и вернётся на своё законное место, с которого он был бесцеремонно низвергнут. Коле нравится эта возвращающаяся грандиозность, частью которой он так хочет себя чувствовать. А Надя как-то не хочет.

«СНИКЕРС»

Ася просыпается затемно и никак не может уснуть. Это в последнее время с ней случается нередко: старость не радость. Но сегодня такое ощущение, будто кто-то нажал у неё в голове на кнопку и «выключил» сон. Она специально не смотрит на часы, но понимает, что ещё очень рано: под окном даже не слышно автобусов, разгоняющихся после перекрёстка. Когда-то вот в такую рань она вставала на работу в совхоз. В деревне все поднимаются ни свет ни заря. У соседей даже пели петухи. Нащупываешь в темноте выключатель, зажигаешь тусклую лампу на комоде, накидываешь тёплый зимний халат и идёшь умываться в сени. И хотя всё это закончилось много лет назад (потом свёкор даже душ с тёплым туалетом сделал), Ася помнит эти ощущения так, будто снова проснулась в деревенском доме в окружении заснувших на зиму яблонь и груш. При воспоминаниях о деревне она чувствует, будто её кто-то кольнул чем-то острым в грудь. Что же такого неприятного? Ну да, эта невесть откуда взявшаяся пигалица, намеревающаяся отобрать хотя бы кусок того самого дома... Асе становится настолько не по себе, что у неё выступает пот на лбу. Она встаёт с постели и подходит к окну, чтобы приоткрыть створку. За голыми деревьями и полем с высоковольткой светятся редкие окна московских многоэтажек. «Не больше пяти утра», — решает Ася и снова направляется в постель. Но дело сделано: она больше не может думать ни о чём, кроме предстоящей битвы за дом. Сможет ли она? Кто знает, какие у этой Сони связи? Вдруг у неё всё уже схвачено и исход предрешён? Значит, Коля обречён снимать квартиру, по крайней мере, до Асиной смерти, ведь жить с матерью он не хочет ни в какую. А так Ася вернулась бы в деревню, вырубила бы сухие деревья, выкинула хлам и соседствовала бы в своё удовольствие с псом... Она ворочается с таким чувством, будто случилось что-то непоправимое, и теперь это расхлёбывать — не расхлебать долго-предолго. Ну что ж, бороться так бороться. Мало, значит, боролась в жизни — нужно ещё...

Наконец, обессилев, она засыпает, когда в комнате уже почти светло. Просыпается от ярких лучей солнца, и у неё вдруг возникает ощущение, будто она в больничной палате: кругом всё какое-то бело-жёлто-синее, но белый цвет явно преобладает. «Заболела, что ли?» Ася сглатывает слюну: горло не болит. Голова тоже вроде не болит. Но какая-то слабость... «Не выспалась», — думает Ася, но решает, что пора наконец встать с постели, иначе так можно проваляться целый день. Она снова подходит к окну в одной ночнушке и приоткрывает створку. Фикус, спасённый от Володиного равнодушия, воспрял, расправил свои пятнистые листья, разворачивая их к солнечным лучам. Надо же, вчера весной и не пахло, а вот сегодня почти весна! Сверху на подоконник прилетает жирная капля. Где-то внизу журчит канализационный люк. Даже и тут откуда-то взялась муха и уже норовит продырявить стекло, вырвавшись навстречу ещё не наступившему теплу. Птиц, правда, пока не слышно, но уже скоро, уже вот-вот! Зима надоела до зуда в костях, но снега много-много, и таять он будет долго, наверное, до самого апреля...

У соседки сверху включен телевизор, и почему-то громко, чуть не на полную мощность. Судя по чеканному, как канонада, голосу диктора, это выпуск новостей. Спустя мгновение Ася узнаёт молодцеватый голос президента. Он говорит и говорит. Ася пропускает всё это мимо ушей, пытаясь вслушаться в наступающую весну. Какой-то мужичок (кажется, из соседнего дома) переводит через дорогу собаку. Там, в поле, где уже начинается Москва, а раньше сажали картошку и капусту, много лет выгуливают собак. Сугробы вдоль пешеходной дорожки с фонарями, проложенной не так давно, все в жёлтых пятнах разного оттенка. Из-за угла поворачивает автобус и застревает в пробке, которая растянулась вдоль поля. Президент говорит и говорит. Его голос резонирует со звуками уходящей зимы и разгоняющегося буднего дня. Ася закрывает створку окна, зевает и берёт в руки пульт от телевизора. Некоторое время размышляет, нажать на красную кнопку или сначала позавтракать, но всё же нажимает.

— ...статьёй пятьдесят один части семь Устава ООН, с санкции Совета Федерации России и во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием двадцать второго февраля сего года договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой народной республикой и Луганской народной республикой, мною принято решение о проведении специальной военной операции. Её цель — защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации...

Ася выключает телевизор и проваливается в тишину, от которой звенит в ушах. Она чувствует себя участницей игры «Море волнуется раз», застывшей непонятной морской фигурой. Спустя некоторое время она снова жмёт красную кнопку.

— ...итоги Второй мировой войны, как и жертвы, принесённые нашим народом на алтарь победы над нацизмом, священны. Но это не противоречит высоким ценностям прав и свобод человека, исходя из тех реалий, которые сложились на сегодня за все послевоенные десятилетия. Также не отменяет права наций на самоопределение, закреплённое в статье первой Устава ООН. Напомню, что ни при создании СССР, ни после Второй мировой войны людей, проживавших на тех или иных территориях, входящих в современную Украину, никто никогда не спрашивал о том, как они сами хотят обустроить свою жизнь. В основе нашей политики — свобода, свобода выбора для всех самостоятельно определять своё будущее и будущее своих детей...

Остальное Ася слушает, словно погрузившись под воду. Она садится на постель, вертит в руках пульт, зачем-то открывает крышечку, под которой поблёскивают боками длинные круглые батарейки. Луч солнца цепляется за что-то отражающее и бьёт в глаза. Президента на экране сменяют кадры пусков ракет.

— Российские вооружённые силы наносят удары только по военным объектам. Гражданскому населению ничто не угрожает, — чеканит за кадром диктор.

Ася ложится в постель, думая проснуться заново. Но белый потолок, белый стеклопакет окна, белая простыня, наволочка на подушке, тёмные силуэты мебели, подсвеченные февральским солнцем, осязаемы как никогда.

«Коля!» — стреляет вдруг ей в голову. Она хватает телефон и набирает номер сына. Гудки идут один за другим, но Коля не отвечает. Она набирает ещё раз и ещё. Наконец Коля начинает сбрасывать.

Ася накидывает халат и снова подходит к окну. Солнце ослепляет и обжигает, словно серная кислота. Мужичок, который ходил выгуливать собаку на бывшие совхозные поля, возвращается назад. Он едва успевает перехватить поводок, чтобы псина не угодила под машину, а потом, перейдя дорогу, хлещет её этим поводком по спине. Ася вдруг снова проваливается в полную тишину, непреодолимую, как километровая толща воды. Она больше не слышит ни падающих с крыши капель, ни журчания канализационного люка, ни шума проезжающих машин. Щурясь от яркого солнца, отворачивается и уходит в глубину комнаты, крадучись, чтобы не нарушить этой всепроникающей тишины. Аккуратно открыв дверь, она выходит в прихожую, а оттуда на кухню. Мама и отчим сидят за маленьким голубым столом и едят жареную картошку, залитую яйцом. Обычный деревенский завтрак. Они ели это почти каждое утро, когда жили там, в посёлке, в двух шагах от большого озера, и, сменив сельский дом на городскую квартиру, не могли изменить многолетних привычек. А вот стол этот пришлось купить сразу после переезда: тот старый, тяжёлый, за которым принимали гостей, сюда бы не поместился. Мама очень переживала, но выхода не было. Ася останавливается, не решаясь двинуться дальше, и наблюдает из своего укрытия.

— Весна уже на носу, а снега как в январе! — жуя картошку, говорит мама.

— На носу только март, а март — какая тебе весна! — Отчим запивает картошку простоквашей. — Не Казахстан тут тебе!

— А что ты думаешь, у нас там в марте могут такие морозы стоять, что похлеще февраля! Это только на юге если, туда, поближе к Алма-Ате...

— А у нас в Башкирии и в апреле ещё снега полно. Так что позимуем ещё! Вон, в лес на лыжах ещё весь март ходить можно!

Мама доедает, встаёт из-за стола и открывает шкафчик рядом с плитой:

— Тут пирог ещё остался праздничный, со вчера. Будешь? — А пирожки с луком-яйцом есть ещё?

— Откуда? Ты ж их всегда первый съедаешь! — усмехается Роза.

— Так ты всегда мало печёшь... Ладно, давай пирог! — кивает Марат.

— Мне до работы надо ещё в Москву за продуктами съездить.

— А, ты ж сегодня во вторую смену...

— И Аська тоже.

— Куда поедешь-то? На Ждань?

— А куда ещё?

— Я бы вечером тебя отвёз туда и обратно.

— Ну так была бы я в первую смену... Мне только масло нужно подсолнечное, печенья какого-нибудь, конфеты есть ещё... Хлеба я и тут куплю, в продмаге.

Ася на цыпочках возвращается в комнату, подходит к окну. За узким шоссе, по которому изредка проходит дребезжащий «луноход», простирается большое заснеженное поле. Вдали видна узкая тёмно-серая полоска леса. Туда ведёт лыжня, бегущая по краю поля. Если бы сегодня был выходной, Марат взял бы под мышку лыжи, перешёл бы шоссе и утопал в лес часа на два. Ася смотрит на пустынное поле и вдруг чувствует такое умиротворение, будто бежала от кого-то сломя голову и наконец добежала до крепости, в которой ей больше ничто не грозит.

— Алма-Ата... — шепчет она, — Алма-Ата, Киев, Москва...

Москву отсюда не видно. Она там, за полями, за совхозными строениями и сетью поселковых улиц, за чёрной, как угольная черта на снежном теле Земли, кольцевой дорогой. Ася садится на подоконник, окрашенный белой масляной краской. Краска потрескалась и местами отвалилась. Так выглядят все городские подоконники. Они широкие, в отличие от узеньких деревенских, на которых едва-едва умещаются горшки с цветами. На этом подоконнике Ася готова просидеть целую вечность, до конца жизни, лишь бы это белое поле так и оставалось белым и нетронутым, лишь бы на нём никогда не выросли многоэтажки и не наступило это солнечное февральское утро.

Так же на цыпочках она снова крадётся в прихожую, а оттуда — на кухню. В утренних лучах блестит дверца микроволновки, полукруглый стол, который она купила несколько лет назад, совершенно пуст. Мамы нет уже почти двадцать лет, отчима — двадцать шесть. Ася осторожно делает несколько шагов, садится за стол и понимает, что совсем не хочет есть. Где-то в комнате звонит телефон.

— Коля! — кричит Ася, опять бежит обратно и хватает с тумбочки телефон. — Коля! Господи, ты где?!

— Дома я ещё, ты чего трезвонишь?

— Что будет-то теперь? — Ася вдруг рыдает так, будто уже получила похоронку.

— Верховный главнокомандующий всё сказал. Ты видела?

— Коля, — всхлипывает Ася. — Тебя отправят туда?

— Может, и отправят. Пока там хватает людей.

— Коля, — ревёт Ася. — Нам что, врали? Нам же каждый день говорили, что никакого вторжения не будет...

— Мам, успокойся. То, что всё будет, было понятно ещё несколько лет назад.

— Зачем?..

— Ты давай успокойся сначала. А потом иди в МФЦ и узнай, как оформить документы на дом.

— Коля, почему мы это делаем? — рыдает Ася.

— Значит, так надо.

— Кому?!

Коля несколько секунд молчит, затем, выдохнув, говорит:

— Ничего не бывает просто так.

Выйдя из подъезда, Ася чуть не натыкается на бегущую женщину с телефоном у уха. Она несётся напролом через двор.

— Он лежит в реанимации с ковидом и пока ещё ничего не знает! — кричит она в трубку. — Нет, в сознание не приходил!

«Володя! — крутится в голове у Аси. — Как же тебе повезло!..» Ася переходит перекрёсток не наискосок, как обычно, а углом, через две зебры. Она так осторожна, будто её только что выпустили на свободу. Машин в эту минуту нет, но она не смеет ступить на проезжую часть, пока напротив не загорится зелёный человечек. Из церкви выходят люди и крестятся. Попрошайки, сидящие, как обычно, на стульях у церковных ворот, примолкли и не клянчат деньги у каждого прохожего. Ася идёт по теневой стороне улицы, вдоль высоченных многоэтажек, выстроенных здесь в последние годы на месте двухэтажных бараков. Солнечные лучи отражаются в окнах дома напротив, в стёклах проезжающих машин, ослепляют, бьют по глазам. «Весна», — думает Ася, и всё её тело вдруг пронизывает дрожь, больше похожая на озноб. Её трясёт и трясёт. Нет, пожалуй, это не болезнь. Тысячу лет назад, в овраге под соснами, Ася держала на руках куклу, у которой были закрыты глаза... Внизу, у ног, уже разгорался костёр. А потом, когда начался пожар, Асю затрясло так, что она до конца дня не могла унять своё тело. Был ли это страх? Не только. Было и ещё что-то, совершенно неодолимое, как паралич, будто некто захватил твоё тело и может делать с ним всё, что хочет. Ася останавливается у крыльца алкогольного магазина, где уже начали собираться утренние завсегдатаи. Они курят и перекидываются бессвязными репликами. Там, в посёлке у озера, весна тоже начиналась вот с таких стихийных сборищ перед местной пивнушкой. Солнце понемногу отогревало совершенно белый пейзаж, снег твердел и стекал под ноги, обнажалась совхозная грязь и вперемешку с запахом навоза и солярки поднимался запах земли, различимый вплоть до мая, когда повсюду начинали жечь костры. Марат тоже жёг мусор и прошлогодние листья прямо около крыльца, и мать иногда ворчала оттого, что дым шёл в дом. Но именно в такие моменты — Марат граблями что-то ворошит в костре — Ася чувствовала неотвратимость весны, лета, тепла.

Быстрый нырок в прошлое помогает, и Ася, приглушив в себе дрожь, доходит наконец до МФЦ.

— Пожалуйста, надевайте маску и проходите, — улыбается молодуха на входе. — Вы по какому вопросу?

— Наследство... — бормочет Ася, выуживая из кармана пуховика смятую, будто жёваную, маску.

— Пожалуйста, возьмите ваш талон и присаживайтесь, — учтиво повторяет молодуха, словно она окончила курсы добрых фей. Не слишком просторное помещение уже полно народа.

Следующие минут десять Ася непрерывно слушает её подчёркнуто вежливый тон, и голос будто говорит: «Не переживайте, граждане! У нас всё хорошо, всё благополучно! Вот видите, какой у нас чистый новый офис, какие компьютеры, какие удобные мягкие диваны, уборщица вытирает пол каждые десять минут, в автомате вкусный кофе из кофемашины...»

Когда слушать это становится невозможно, Ася встаёт с мягкого дивана и направляется к молодухе.

— Где у вас туалет? — спрашивает она.

— Пожалуйста, пройдите до последнего окна и направо!

В туалете — сверкающий унитаз, полный рулон туалетной бумаги и запах освежителя, в раковине — кран, который сам включается, когда к нему подносишь руки. Мыльная пена вываливается из автоматического дозатора. Снова отперев белоснежную дверь и выйдя, Ася попадает в длинное тёмное помещение. Пол вымощен осколками плитки, залитыми бетоном. Когда-то такие полы были повсюду на этой половине Евразии: на вокзалах, заводских проходных, в поликлиниках, паспортных столах и магазинах, в фойе библиотек и домов культуры. А это какой-то коридор не коридор, какие-то катакомбы, где вдоль стен стоят сломанные стулья, лотки с пирожками, вешалки на треногах. Дальше, где чуть светлее, вдруг небольшая очередь. В основном женщины. Ася по привычке пристраивается в хвост.

— Что дают, не подскажете?

— Гуманитарная помощь, — оборачиваясь, хриплым голосом отвечает пожилая дама в помятой шляпе. — Из США.

Ася достаёт матерчатую продуктовую сумку, с которой в очередях было проведено несчётное количество часов — и в жару, и в холод, и ранним утром засветло, и поздними вечерами чуть ли не около полуночи, под безнадёжным осенним дождём. «Наверное, консервы», — думает Ася, морально готовясь тащить набитую жестяными банками сумку через пол-Москвы. Но когда до неё доходит очередь, оказывается, что две тётки, одетые как типичные иностранки, вынимают из коробок какую-то одежду и раскладывают на двух составленных вместе столах.

— Вам для себья? — спрашивает первая тётка.

— Да... То есть нет. У меня сын.

— Сколько льет сыну? — спрашивает вторая тётка, копошась в коробке.

— Во второй класс пошёл...

Перед Асей приземляются на стол две футболки с американским флагом, что-то вроде водолазки, красно-белые спортивные штаны...

— Пожалуйста, выбирайте! — говорит первая тётка, по-английски исковеркав букву «р».

Ася берёт одну футболку, затем другую, водолазка кажется ей слишком большой. Она откладывает её в сторону, затем, спохватившись, запихивает в сумку вместе с футболками, хватает штаны. На них заметна небольшая дырка — кажется, от сигареты или от угля: края почернели. Но ткань хорошая, плотная. Коле немного на вырост. Такие штаны не везде достанешь, за ними ещё поохотиться надо, в очередях постоять, урвать где-нибудь, где их «выбросят». А тут тебе бросают прямо в зубы: бери и неси. Ася запихивает в сумку штаны, утрамбовывает их, но одна штанина всё равно немного торчит. Она идёт дальше по коридору — мимо каких-то старых афиш, мимо чёрно-белых фотографий спортсменов под вывеской «О спорт, ты — мир!», мимо стенда с кубками за пыльным стеклом, мимо больших деревянных дверей, заваленных коробками и какими-то мешками. Наконец попадает в довольно просторное фойе, где бойко идёт торговля. Тут и джинсы всех фасонов и размеров, и кроссовки всех цветов, и целые груды «Сникерсов» в ларёчной витрине. Ася пробирается сквозь толпу и наконец различает выход: там, снаружи, солнце и тающий снег под ногами. Перешагивая через лужи, Ася прижимает к себе сумку с торчащей штаниной. Обернувшись, она видит большое овальное здание спорткомплекса. «Гуманитарная помощь из США» — написано на растяжке над входом, затмевающей другие вывески: «Обувь из Европы», «Шубы из Турции», «Низкие цены». Ася оборачивается и бредёт дальше по усеянному лужами тротуару. В них отражаются трамвайные и троллейбусные провода и ярко-синее небо с густыми белоснежными облаками. Сумка вдруг кажется тяжёлой, будто вместо тряпок Ася и правда набрала банок с тушёнкой. «Выбирайте!» — снова слышит она внутри себя этот подчёркнуто услужливый, лакированный и в то же время немного пренебрежительный тон. Такое чувство, будто её сначала избили и

ограбили, а затем кинули подачку, как собаке. Становится так горько и противно, что в горле начинает расти ком. Вспоминается тётка, одетая как типичная иностранка.

«Почему я так её ненавижу? — думает Ася. — Она ведь здесь, чтобы мне помочь...»

«Она здесь, потому что ей нравится смотреть на побеждённых».

«У тебя совсем крыша едет!»

«Нет, у меня хорошая память!»

Ася взбирается в подошедший трамвай и садится на свободное место у окна. На какой-то миг ей вдруг становится уютно, как в детстве: сиденье такое же мягкое, а потолок — такой же округлый и уютный, с бегущими по всей длине тонкими поручнями и вытянутыми лампами. Не хватает, пожалуй, только билетного компостера, который всегда висел у двери. Нажмёшь на рычажок — и на билете появятся ровные дырочки. Трамвай пересекает оживлённый проспект и углубляется в эклектичный квартал: высокие грязно-серые брежневки соседствуют с потрёпанными хрущёвками и старинными купеческими домиками, на въездах во дворы маячат гаражи-«ракушки». Тут же тётки в замызганных фуфайках продают что-то прямо с расстеленных на земле картонок и тряпок. Ручьи текут и текут. Трамвай пересекает большую лужу, брызги летят из-под колёс. Замызганная чуть не по самую крышу машина такси проносится навстречу. Прохожие пятятся от брызг. «Бакалея», — читает Ася вывеску над магазином с заколоченной дверью. Москва как будто состарилась и покрылась трещинами. Даже трамвайное стекло — и то с трещиной, которая вдруг вспыхивает в луче солнечного света. Трамвай проезжает под мостом, и Ася понимает, что добралась до площади Трёх вокзалов. «Пора выходить», — решает она, вставая с мягкого сиденья. На улице — всё та же грязная, набирающая яркость весна: дворничиха в очках шкрябает огрызком швабры тротуар, сметая окурки на проезжую часть, прямо под колёса машин. Ася по привычке идёт на Казанский вокзал, откуда уходят электрички в её бывший совхоз. На входе — давка: женщины с плачущими детьми в колясках, мужики в добротных кожаных куртках, с большими чемоданами, смуглые челноки с клетчатыми баулами. Ася попадает в самую гущу толпы и только тут понимает, что оставила в трамвае сумку с тряпками, которые урвала наудачу в тёмном фойе с пирожками и «Сникерсами». «Чёрт с ней», — думает она и, видя дверь туалета с пыльной буквой «ж», ломится туда. А оказавшись внутри, прижимается к стене, чтобы отдышаться. Становится вдруг тихо-тихо, так что не слышно ни детских криков, ни вокзальных объявлений, ни вечного гула никогда не иссякающей толпы. Постояв ещё немного, Ася приоткрывает дверь и снова оказывается в чистом белом зале МФЦ, где табло над потолком как раз показывает номер её талона в очереди.

— Бурибаева Асель Маратовна, — нерешительно говорит она благообразной даме в белой рубашке с галстуком. — Вот мой талон, вот паспорт...

— Асэль Маратовна, какой у вас вопрос? — Дама демонстрирует улыбку, по концепции полагающуюся каждому посетителю.

— Муж... на ИВЛ без сознания...

Дама сгоняет улыбку с лица и сочувственно смотрит на Асю:

— Та-ак...

— В общем, я хотела бы узнать, писал ли он завещание на дом...

— Поняла вас, — начинает дама. — Какие у вас с собой документы?

— Документы?.. — Ася поспешно лезет в сумку, но тут же понимает, что там в лучшем случае паспорт и кошелёк.

Какие у вас документы на дом? — подчёркнуто мягким голосом спрашивает дама. В её мире всё то же солнце и капающие сосульки.

— Да я просто пришла узнать... У меня муж на ИВЛ, дом пустует, собака там...

Асе кажется, будто она рассказывает всё это, сидя в кабинете перед завучем, куда её вызвали, потому что она совершила такое... И вот она пытается рассказать, почему она это сделала, но говорит совсем не о том.

— С мужем у вас на дом совместная собственность? — непробиваемо мягко продолжает дама.

— А как же! Совместная... — осекается Ася, усомнившись в том, что так оно и есть.

— Брак у вас официальный?

— Ой, да мы разведены...

— Угу... Так вы не знаете, писал он завещание или нет?

— Не знаю, — вздыхает Ася, чувствуя, что вот сейчас ей наконец изберут и объявят наказание и она, по крайней мере, будет знать тяжесть своего положения.

— Тогда вам надо пойти к нотариусу по тому адресу, где у вас находится недвижимость. Нотариус сделает запрос и проверит, писал ли ваш муж завещание. Но ведь муж у вас жив?

— Дело в том... — оправдывается Ася, — что объявилась одна родственница, которая претендует на дом... Родственница мужа. А у меня сын... — дальше Ася решает не продолжать.

— Вам в любом случае к нотариусу, — мягко продолжает дама. — Попробуйте сходить, но вообще, насколько мне известно, если ваш муж жив, то все вопросы наследства решаются только через него.

— Так я же вам говорю, он на ИВЛ, без сознания...

— Думаю, вам всё-таки стоит попробовать обратиться к нотариусу... — Дама широко улыбается, давая понять, что приём окончен.

ГЕНЯ

Коля садится в машину и едет на объект. Буднично, обыкновенно, без всякого кипиша и нажима. Словосочетание «ехать на объект» настолько же неотрывно от его жизни, как «зайти в магазин» или «залить бак»: машина — едва ли не главный его рабочий инструмент. Свернув с МКАДа, он вылетает на Новую Ригу — нынешний подмосковный рай, в своё время потеснивший узкую, перенаселённую и перегруженную Рублёвку. Впрочем, и здесь уже тесновато: по обе стороны автострады тянутся глухие шумозащитные заборы, вплотную к которым подступили коттеджные посёлки и переходящие один в другой малоэтажные пригороды. Американская мечта, ставшая российской на отдельно взятом клочке страны: сельская жизнь с гольф-клубами, стеклянными фитнес-центрами и бутиками на фоне идеально выстриженных газонов. «У нас в деревне...» — говорят обитатели этих фешенебельных резерваций, что всегда вводило Колю в ступор.

Слово «деревня» вызывает в нём диаметрально противоположные чувства. Это его колыбель и его ущербность, его искривлённая линия жизни, согревающая, как негасимая печь или неостывшая батарея. Изумрудные треугольники крапивы — огромные, выше кепки, разлапистые, словно настоящий лес, подпирающий тёмно-серый забор, пахнущий пыльным разогретым деревом. Хотя Коля родился зимой, первое, что он помнит в этой жизни, — нестерпимый зной, от которого пот стекает ручьями за шиворот. Огромная собака, пригнувшая к дороге голову с высунутым языком. Соседская «Нива», жирные капли бензина у колёс. И, конечно, автобус, разворачивающийся на круге рядом с домом, говорящий так, как больше никто не умеет говорить: блюм-блюм, блюм-блюм...

Деревня была планетой, вращающейся на своей отдалённой орбите. Вокруг — поля и пыльные полевые дороги. И где-то там, за горизонтом, — Москва. Кажется, это одно из первых слов, которые выучил Коля.

«Москва!» — говорила ему мама своим детским голоском и тыкала пальцем в календарь, висевший в сенях: Спасская башня на фоне подсвеченной солнечными лучами Красной площади.

Коле, наверное, года три. В их тесноватом деревенском доме ещё полно народа: они с матерью и отцом, дед с бабкой. Старики жили в гостиной, спали на диване-«книжке», над диваном — ковёр с оленями, пьющими из ручья. Гостиная заканчивалась печкой, за ней был небольшой коридорчик и две спальни: его и родительская. Коридор заканчивался чуланом и задним выходом в сад...

Коля едет на запад. Направление, откуда в последние сто лет приходили самые большие войны и куда все бежали после распада страны, и сегодня не теряет популярности. В область движение плотное: фуры, автобусы, сверкающие чёрными боками внедорожники, более скромные пикапы, за рулём которых — такие же прорабы и начальники средней руки, как Коля. Едут кормиться и осознавать собственную значимость на отдельно взятом клочке страны. Даже сегодня, когда всё сдвинулось и ринулось вперёд, словно гигантский ледник, эти работяги не желают терять вылощенную землю, рванувшуюся из-под колёс, и держат баранку с тем же невозмутимым видом, что и вчера, и позавчера... Для Коли же и вчера, и позавчера было всё понятно, поэтому сегодня утром он испытал примерно такое чувство, как бывало, когда на алгебре после получасовых мучений доказывалась теорема. Проскочив очередной массив выглядывающих из-за забора коттеджей, он сворачивает на неприметную дорогу, которая вскоре упирается в шлагбаум. На плакате рядом с будкой постового красуется эмблема Министерства обороны: двуглавый орёл с мечом в правой лапе. Шлагбаум поднимается почти сразу, так что Коле даже не приходится останавливаться. Это ещё не слишком секретный объект — даже, скорее, рядовой, но армия есть армия: никаких посторонних. Заснеженными

полями Коля добирается до объекта. Его большой бетонный остов броско выделяется на фоне белого склона холма. Рабочие в тёплой синей униформе ходят по недавно уложенному перекрытию. Ни одного неславянского лица: «гостям» здесь не доверяют. Прежде чем идти дальше, Коля решает перекурить. Затянувшись от электронной сигареты, он наблюдает за тем, как планомерно, без лишней суеты и проволочек, движется стройка. Спецоперация или не спецоперация, а объект будет сдан в срок — в этом у Коли нет ни малейших сомнений. Вдыхая сладковатый дымок, он вдруг вспоминает, как наблюдал за отцом и дедом, которые строили новую террасу. Это было, наверное, в том же временном пласте, что и календарь со Спасской башней. Деревня млела от жары. Пахло пылью, навозом и бетоном. Отец с дедом залили фундамент, и он высыхал пару дней. Коля бегал вокруг, и все гоняли его, как заблудшую курицу.

«Угодишь в бетон и останешься там навсегда!» — грозила пальцем бабка.

Но уже тогда, в свои три года, Коля нутром чуял, что сердится она не всерьёз. Всерьёз сердилась мама: больно брала за руку и тащила на другой конец двора, в заросли малины, которая кололась своими ползучими черенками. Потом отец с дедом начали класть пол, и двор наполнил запах свежеструганной древесины, которая на солнце нагревалась, словно утюг. И вот наконец дело дошло до стен, а потом и до крыши, и запах древесины по-прежнему окутывал горячий Колин мир, смешиваясь с запахами полыни, банного дыма и бензина. Автобус за забором говорил «блюм-блюм-блюм» и уезжал в Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.